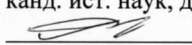


Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)  
Факультет исторических и политических наук  
Кафедра российской истории


ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК  
Руководитель ООП  
канд. ист. наук, доцент  
 Ж.А. Рожнёва  
« 07 » 06 2019 г.

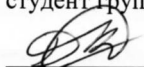
**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА**

ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ  
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В  
КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

по основной образовательной программе подготовки бакалавров  
направление подготовки 46.03.01 – История

Вячистый Дмитрий Дмитриевич

Руководитель ВКР  
д-р ист. наук, профессор  
 В.В. Шевцов  
*подпись*  
« 27 » мая 2019 г.

Автор работы  
студент группы № 031501  
 Д.Д. Вячистый  
*подпись*

Томск–2019

## АННОТАЦИЯ

Работа посвящена исследованию влияния народовольческого и эсеровского террора, а также событий революции 1905–1907 гг. на процесс модернизации органов политического сыска Российской империи на примере местных подразделений Томской губернии.

Были раскрыты основные этапы в истории развития органов политического сыска Российской империи во второй половине XIX – начала XX века; охарактеризованы органы местного (губернского) политического сыска страны в дореволюционный период; выявлены тенденции развития губернского жандармского управления и охранного отделения Томской губернии накануне революции 1905–1907 гг.; представлена характеристика преобразований в розыскной политике центральных политических сыскных органов в контексте борьбы с революционными элементами в 1905–1907 гг.; обозначены изменения в процессе развития органов политической полиции Томской губернии под влиянием революционных выступлений 1905–1907 гг.

В качестве основных источников выступают законодательные и делопроизводственные материалы органов политического сыска. Для описания контекста, сопровождавшего деятельность органов политической полиции, использованы материалы политической публицистики тех лет, а также источники личного происхождения современников и непосредственных участников происходивших событий. При изучении Томского губернского жандармского управления и охранного отделения использованы материалы государственного архива Томской области (ГАТО).

Структура работы полностью соответствует содержанию оглавления. В первом разделе первой главы охарактеризовано состояние политического сыска в Российской империи второй половины XIX века. Приведены такие факторы, которые повлияли на его развитие, как террор народовольцев (повлекший гибель Александра II), охранительный курс Александра III (когда была окончательно сформирована вертикаль полицейских органов), обострение ситуации в стране на рубеже веков и реформы С. В. Зубатова.

Во втором разделе рассмотрены непосредственно органы политического сыска, действовавшие на местах. В их число входили губернские жандармские управления, охранные отделения, губернские жандармские управления по железным дорогам. В силу специфики деятельности каждой из структур, а также из-за временных рамок исследования, основное внимание уделено первому виду подразделений. В конце раздела сделан вывод о результативности их деятельности.

В третьем разделе проанализированы особенности деятельности жандармского управления и охранного отделения Томской губернии, с целью подтвердить или опровергнуть информацию, полученную во втором разделе на конкретных примерах.

Во второй главе обозначены основные перемены, которые были связаны с революционной обстановкой, установившейся в стране. В первом разделе охарактеризованы ключевые изменения, произошедшие в устройстве политического сыска в империи, ставшие ответом на события 1905–1907 гг. Описаны как структурные преобразования в различных институтах полицейского аппарата, так и непосредственно практические аспекты – модернизация и совершенствование техники розыска. В рамках контекста эпохи приведены основные вызовы, с которыми столкнулись органы политического сыска, и основные меры, принятые ими и правительством, по стабилизации обстановки.

Во втором разделе рассмотрены все вышеперечисленные явления, но уже в контексте протекавших революционных событий в Томской губернии. Используя информацию, полученную во втором и третьем разделе первой главы, а также с привлечением материалов первого раздела второй главы, произведен анализ отправления функций Томского губернского жандармского управления и Томского охранного отделения. В данном случае речь идет о том, насколько быстро в губернию проникали нововведения в розыскной работе по отношению к их появлению в центральных городах империи, и какие это влекло за собой качественные перемены.

В заключении сделан вывод об адекватном использовании/упущении модернизационного потенциала, полученного в результате поиска и выработки стратегии для борьбы с революционными силами Департаментом полиции в 1905–1907 гг.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	5
Глава 1 История органов политического сыска Российской империи второй половины XIX века .....	22
1.1 Российская тайная полиция в конце XIX – начале XX века.....	22
1.2 Характеристика местных органов политического сыска.....	31
1.3 Развитие органов политического сыска в Томской губернии накануне революции 1905–1907 гг. ....	38
Глава 2 Органы политической полиции в контексте революции 1905–1907 гг.....	46
2.1 Центральные органы политического сыска в 1905–1907 гг. ....	46
2.2 Органы политического сыска Томской губернии в 1905–1907 гг. ....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	71

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы.** Одним из факторов успешного существования государства является наличие развитой системы правоохранительных органов. Помимо задачи по защите общества, в их компетенцию входит охранение существующего государственного порядка. Возникая на определенном этапе развития государственности, структуры политического сыска продолжают действовать до настоящего времени, претерпевая различные изменения в своих функциях и структуре.

В силу своей деятельности охранительные органы накладывают отпечаток на текущее развитие общества и могут влиять на его дальнейшее развитие. Это, в свою очередь, вызывает многочисленные дискуссии о рамках их полномочий, допустимой степени вмешательства в жизнь рядовых граждан, и т.д. Одним из примеров предмета такого противостояния может послужить деятельность главного органа сыска (в том числе и политического) Российской Империи – Департамента полиции. В современном российском обществе нет единой оценки этой государственной структуры, что приводит к возникновению различных спекуляций, дополнительно искажающих действительное положение вещей. Наиболее дискуссионными темами является деятельность органов политического сыска – подразделений Департамента полиции – в период революции 1905–1907 гг. Предметом подобных дискуссий служат такие вопросы как – почему политическая полиция оказалась не в состоянии предотвратить массовые выступления, как именно проистекала ее работа в данной кризисной ситуации, извлекла ли она уроки из этой ситуации.

В настоящей работе предпринята попытка внести ясность в некоторые из этих исследовательских сюжетов путем оценивания влияния политического террора народовольцев и эсеров, а также последовавших за ним событий первой русской революции на российское общество. Эти события явно указали на внешние и внутренние его проблемы, в частности, на состояние системы политического сыска. Справедливо считая тогдашнюю систему неэффективной из-за прогрессирующего числа успешных терактов, властями было инициировано несколько волн реформ политического сыска. В их рамках проводились попытки улучшения качества сыска, путем уточнения как теоретической, так и практической ее частей. При этом процесс оптимизации имел ряд специфических черт в зависимости от региона, в особенности в тех краях, которые были удалены от столицы. В силу расстояния, перемены добирались сюда со значительным опозданием, а также совершенно иным мог быть контингент, с которым приходилось работать на местах сотрудникам политических служб.

Одним из таких удаленных регионов была Сибирь, где обстоятельное изучение органов политического сыска до сих пор не получило должного внимания. Актуально изучение Томской губернии, бывшей с одной стороны одним из основных мест пребывания политических ссыльных (в период с 1861 по 1898 год в Сибирь в целом было сослано 543,8 тыс. человек, в губернии же на 1898 год находилось 38 тыс. ссыльных<sup>1</sup>), а с другой – являвшейся первой за Уралом областью с развитыми институтами высшего образования. Все это делало специфическим тот контингент, с которым должны были взаимодействовать органы политического сыска губернии. Также в целом значение региона подчеркивалось и самими ссыльными. Известный народоволец С. Л. Чудновский писал о сложности ведения хозяйства в сибирской ссылке: «Сибирь для ссыльного ненавистная мачеха и никакими силами его в ней не удержишь»<sup>2</sup>. Как следствие – высоким был и процент побегов ссыльных. В связи со всем вышеперечисленным, местные органы политического сыска должны были подстраиваться под описанные выше реалии региона в целом и губернии в частности.

Таким образом, работа призвана оценить некоторые моменты из организационно-практической деятельности Томской губернской политической полиции в условиях проводимых изменений центральных органов политического сыска империи под давлением со стороны революционного движения. Главный вопрос, поставленный автором – затронуло ли реформирование системы политического сыска его подразделения в губернии, и если да – то каким образом оно было внедрено в особых местных условиях.

**Объект исследования** – органы политической полиции Российской империи с 1880 по 1907 гг.

**Предмет исследования** – организационно-практическая деятельность отделений Томской политической полиции (жандармского управления и охранного отделения) в рассматриваемый период.

**Целью** данного исследования является характеристика деятельности органов политического сыска Томской губернии и обозначение в ней возможных изменений в контексте оптимизации системы политической полиции Российской империи в конце XIX – начале XX века. Под политическим сыском в работе понимается ряд мер, осуществляемых государством через его органы, для мониторинга скрытого политического мнения граждан, с целью воздействия на него в случае необходимости.

---

<sup>1</sup> Соловьёва Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск. 1983. С. 214–215.

<sup>2</sup> Там же. С. 218.

### **Задачи работы:**

1. Раскрыть основные этапы в истории развития органов политического сыска Российской империи во второй половине XIX – начала XX века.
2. Охарактеризовать органы местного (губернского) политического сыска страны в дореволюционный период.
3. Выявить тенденции развития губернского жандармского управления и охранного отделения Томской губернии накануне революции 1905–1907 гг.
4. Представить характеристику преобразований в розыскной политике центральных политических сыскных органов в контексте борьбы с революционными элементами в 1905–1907 гг.
5. Обозначить изменения в процессе развития органов политической полиции Томской губернии под влиянием революционных выступлений 1905–1907 гг.

**Хронологические рамки** исследования охватывают период с 1880 (законодательное создание Департамента полиции, главного органа политического розыска в империи) по 1907 г. (окончание первой русской революции и вместе с тем выработка оптимальной стратегии борьбы с революционным движением).

**Территориальные рамки** представлены Томской губернией, а также Санкт-Петербургом и Москвой (в рамках проводившихся там реформ центральной системы политического сыска, отразившихся на региональных отделениях страны). При этом для создания комплексного обзора политических сыскных органов империи в работе приведен ряд примеров их деятельности из региональных центров, как в западной части страны, так и в восточной.

**Методологическая база** исследования представлена общенаучными и специально-историческими методами, а также рядом исследовательских подходов. К общенаучным относятся дедукция, индукция, анализ и синтез. В работе использован принцип историзма – рассмотрение явления в историческом развитии (профессионально ориентированные органы политической полиции Российской империи: их создание, этапы реформирования и упразднение). Также был применен принцип объективности – изучение этапов деятельности политической полиции проводилось с использованием источников, относящихся как к непосредственным ее современникам – участникам и апологетам, так и к ее противникам.

Из специально-исторических методов применялось полностью изолирующее абстрагирование (для рассмотрения работы, структуры и функций Томского губернского жандармского управления и одноименного охранного отделения исключительно с технической точки зрения, без исторического контекста и сопряженных факторов – то, как должна была вестись работа отделения исходя из основных правовых документов,

определяющих ее деятельность – «Положении о Корпусе Жандармов», «Положении об устройстве секретной полиции в империи», «Положении о начальниках розыскных отделений от 12 августа 1902 г.». Также в рамках абстрагирования использовалось разворачивание фрагмента (более широкое обозрение явления по сравнению с предыдущим методом) – то, каким образом органы политической полиции в губернии влияли на общественную жизнь города и граждан.

Другим методом, применяемым в работе, является аналогия, осуществляемая для сравнения аспектов работы Томского охранного отделения и одноименного жандармского управления. В данном случае она носит объяснительный характер – обозначение и обоснование некоторых дублирующих аспектов практической деятельности обеих структур, порождавших антагонизм между ними.

Помимо этого, в работе применялись структурно-функциональный анализ (для изучения внутреннего строения Департамента полиции и взаимодействия всех его систем между собой). Использовалась типологизация – обозначение подтипов структуры органов политической полиции – жандармские управления, охранные отделения и т.д. В данном случае метод использовался в рамках таксономического дихотомического деления (для описания служебного противостояния подразделений на местах Департамента полиции из-за неразведенных полномочий).

Наконец, был задействован структурно-диахронный анализ для рассмотрения реформирования системы политического сыска как единого процесса со своими стадиями на фоне аналогичного процесса развития революционного движения в стране и сопоставления этих этапов относительно друг друга.

В качестве одного из исследовательских подходов использовалась модернизационная парадигма, согласно которой в основе развития исторического процесса заложены механизмы прогресса и совершенствования общественных систем, по стандартам, сформированным за пределами модернизирующегося общества. В данном случае революционные потрясения (убийство Александра II, революция 1905 года и т.д.) выступают в качестве причины и стимула для развития органов политической полиции, которые вступили на путь, аналогичный охранительным органам Западной Европы в период после «весны народов» после 1848г.

### **Источниковая база исследования**

**1. Законодательные и нормативно-правовые акты,** которыми правительство создавало, изменяло или упраздняло полицейские структуры. К таковым относятся



«Положение об устройстве секретной полиции в империи»<sup>3</sup> 1882 г., «Положение о начальниках розыскных отделений от 12 августа 1902 г.»<sup>4</sup>, «Положение о Корпусе жандармов»<sup>5</sup> от 1867 г., указ «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог»<sup>6</sup>, также от 1867 г.

«Положение об устройстве секретной полиции в империи» окончательно закрепляло функции Департамента полиции – будущего центрального полицейского органа в империи. По своей сути оно являлось основным документом, определяющим устройство дореволюционной политической полиции. Именно данное положение создавало систему: Департамент полиции – жандармские управления на местах, которая в будущем станет основной для осуществления политического сыска по стране в целом.

«Положение о начальниках розыскных отделений» позволяет оценить размах деятельности С. В. Зубатова, занимавшегося реформированием полиции в предреволюционный период. Он впервые предложил создавать дополнительные структуры – розыскные пункты (в будущем послужившими основой для массового внедрения охранных отделений, бытовавших на тот момент только в крупнейших имперских городах) в местах наибольшей революционной активности. Впоследствии именно к опыту зубатовских преобразований обратилось правительство в период революции.

В свою очередь, «Положение о Корпусе Жандармов» заложило основы будущих губернских жандармских управлений – основных инструментов осуществления политического дознания на местах. Были прописаны не только полномочия жандармских офицеров, но и требования к их набору, прописан порядок службы, построена управленческая вертикаль от шефа жандармов до чинов жандармских дивизионов.

Указ «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог» учреждал одноименные управления, которые должны были осуществлять надзор (изначально неполитический) на железных дорогах империи. Ставшие основным способом коммуникаций на необъятных просторах страны, железные дороги также стали объектом атак со стороны вначале народовольцев (одно из покушений на Александра II), а затем и эсеров. В связи с этим в 1867 г. для предупреждения подобных случаев были учреждены жандармские полицейские управления железных дорог, которые должны были препятствовать совершению террористических актов на всем протяжении подвластных железнодорожных линий.

---

<sup>3</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 377.

<sup>4</sup> Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 376.

<sup>5</sup> Положение о корпусе жандармов 1867. [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: библиотека Пашкова (дата обращения 07.05.2018). URL: <http://constitutions.ru/?p=7632>

<sup>6</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 115.

**2. Делопроизводственные документы** – многочисленные циркуляры, инструкции руководящим лицам и сотрудникам полиции, докладные записки и другие документы, относящиеся к различным государственным инстанциям Российской Империи, на основании которых можно проследить изменения, происходившие в сыскных органах империи. Здесь стоит упомянуть «Инструкции филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений»<sup>7</sup> 1902 г. Данный же документ является показательным примером тех перемен, которые произошли в политическом сыске в период его реформирования С. В. Зубатовым, директором Особого отдела Департамента Полиции. Кроме того, в этом документе был прописан порядок действий филеров в различных ситуациях. Филер – это агент наружного наблюдения, ведущий негласный сбор сведений о тех или иных лицах, заподозренных в революционной деятельности. В целом же «Инструкция» была основным руководством к действию для сотрудников Департамента полиции накануне революции 1905–1907 гг.

«Инструкция инспектору секретной полиции»<sup>8</sup> 1883 г. была специально создана, чтобы легализовать одноименную должность для Г. П. Судейкина. Данный пост был попыткой дальнейшего реформирования системы, развернувшегося после убийства Александра II. По первоначальной идее, вводимый пост должен был централизовать всю систему политического розыска, сосредоточив в руках инспектора все нити управления.

Источником, позволяющим компетентно оценивать кадровый состав структур политической полиции, являются, в частности, правила приема в Отдельный Корпус жандармов, откуда сотрудники уже распределялись между местными губернскими жандармскими управлениями<sup>9</sup>. Получить же сведения об их численности, социальном составе, карьерном продвижении позволяют списки общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов<sup>10</sup>.

Еще одним видом источников по работе жандармских управлений являются инструкции и руководства, созданные для проведения компетентных и комплексных расследований<sup>11</sup>. В них описывался порядок дознаний, исследование улик, правильное ведение формуляров по расследованию и т.д.

Достаточно широко представлена источниковая база непосредственно по службам политического сыска Томской губернии, на местном административно-управленческом

---

<sup>7</sup>Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. М., 2006. С. 43–45.

<sup>8</sup>Там же. С. 14–16.

<sup>9</sup>Отдельный корпус жандармов. Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. Казань, 1899. 16 с.

<sup>10</sup>Отдельный корпус жандармов. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1912. 789 с.

<sup>11</sup>Попов А.А. Руководство для чинов Корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний. СПб., 1885. 227 с.

уровне. К этой группе источников можно отнести сами приказы по Томскому губернскому жандармскому управлению<sup>12</sup>, позволяющие оценить различные аспекты полевой работы сотрудников службы (внутренний распорядок службы, кадровые и субординационные вопросы, и т.д.). Сюда же относится делопроизводственная переписка, как внутри управления<sup>13</sup>, так и с другими аналогичными структурами<sup>14</sup>. Отдельно необходимо учитывать переписку о студенческих волнениях и неблагонадежных лицах в их среде, для более глубокого изучения той среды, в которой отделению приходилось действовать<sup>15</sup>. Масштабы же работы управления можно, в частности, оценить по составлявшимся спискам лиц, находящихся под негласным надзором<sup>16</sup>.

Суть работы управления раскрывается в ряде дознаний, проводившихся по отношению к неблагонадежным элементам<sup>17</sup>. Сведения о привлечении лица к дознанию включали в себя как личную информацию обвиняемого (ФИО, дата и место рождения, народность и происхождение), так и его текущее положение (нынешнее семейное положение, занятие, приписка) непосредственно повод для привлечения к дознанию (время, основания, привлекался ли раньше, место ареста, что обнаружено при обыске и т.д.). Особый интерес представляет переписка о секретных сотрудниках, главным инструменте

---

<sup>12</sup> Государственный архив Томской области. Ф. 411. Оп. 1. Д. 60. Приказы Томского губернского жандармского управления.

<sup>13</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 71. Переписка с Катайгинским сельским старостой о священнике Тупкине С., отказавшимся служить молебен в честь императрицы.

<sup>14</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 20. Донесения и переписка с Департаментом полиции, губернскими жандармскими управлениями и другими об обысках, арестах, следствиях; Ф. 411. Оп. 1. Д. 22. Переписка с Департаментом полиции, томской гимназией, томским полицмейстером и др. о лицах, обвиняемых в высказываниях против существующего строя, оскорблении личности царя и прочих преступлениях (21 янв – 19 дек. 1894).

<sup>15</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 92. Переписка с Департаментом полиции, Томским губернатором, Омским жандармским управлением и другими о деятельности Сибирского социал-демократического союза, о появлении листовок в Томске, студенческих волнениях и других вопросах; Ф. 411. Оп. 1. Д. 87. Переписка с Томским губернатором, Енисейским жандармским управлением, Томским университетом о студенческих волнениях; Ф. 411. Оп. 1. Д. 312. Дознание по делу обнаружения тайной типографии у студентов Томского государственного университета Писарева И., Волковых и др; Ф. 411. Оп. 1. Д. 147. Уведомления Томского окружного суда по делам лиц, обвиняемых в печатании, хранении и распространении литературы, пении революционных песен и пр. 25 янв – 20 сент. 1905 г.

<sup>16</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 15. Списки, сведения, ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции за 1893–1894 годы; Ф. 411. Оп. 1. Д. 31. Списки, сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции за 1897–1898; Ф. 411. Оп. 1. Д. 74. Списки, сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции за 1901–1902; Ф. 411. Оп. 1. Д. 169. Циркуляры Департамента полиции со списками и розыскными картами на лиц, подлежащих аресту. 1907г.

<sup>17</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 107. Дознание о демонстрации в городе Томске 18 апреля 1903 года, сведения о лицах, принимавших в ней участие. Ф. 411. Оп. 1. Д. 148. Дознание о разбрасывании неизвестными лицами прокламаций по городу Томску. 23 марта – 4 мая 1905 г.; Ф. 411. Оп. 1. Д. 163. Дознание о лицах, участвовавших в сходке на квартире врача Соловьева Н. С. 8 февраля – 26 июля 1906 г.; Ф. 411. Оп. 1. Д. 162. Дознание о сходке членов Томской социал-демократической партии 12 июля 1906 года; Ф. 411. Оп. 1. Д. 161. Дознание по делу Мариинской группы социал-революционеров; Ф. 411. Оп. 1. Д. 144. Дознание о забастовке на станции Боготол; Ф. 411. Оп. 1. Д. 160. Дознание по делу Обской группы РСДРП в г. Н.-Николаевск; Ф. 411. Оп. 1. Д. 146. Дознание о сходке в помещении железнодорожного собрания 12 января 1905 г.; Ф. 411. Оп. 1. Д. 182. Дознание по делу Томской организации Всероссийского общесеминарского союза и послужные списки священников Томской губернии 1907 – 15 фев. 1908; Ф. 411. Оп. 1. Д. 179. Дознание по делу Томской организации Всероссийского общесеминарского союза 28 сент. 1907 – 17 мая 1908;

осуществления политического сыска в стране в исследуемый период<sup>18</sup>. Кроме того, особняком стоят документы по дознаниям лиц, обвиненных в оскорблении личности царя – основного типа преступлений, с которым приходилось иметь дело сотрудникам жандармского управления<sup>19</sup>. Наконец, стоит упомянуть телеграммы жандармского управления Департаменту полиции как особый вид источника, в котором обычно излагались запросы и просьбы к центру, необходимые для поддержки губернской политической полиции<sup>20</sup>. Кроме того, в них содержалась сводка основных событий, произошедших на подконтрольной управлению территории.

### **3. Источники личного характера – мемуары и частная переписка лиц того времени.**

С помощью этих материалов можно установить отношение современников и участников разворачивающихся событий к различным сторонам деятельности тайной полиции. Сюда относятся мемуары Г. А. Гапона<sup>21</sup>, А. И. Спиридовича<sup>22</sup>, А. А. Лопухина<sup>23</sup>, П. П. Заварзина<sup>24</sup>, А. Герасимова<sup>25</sup>, а также письма С. В. Зубатова<sup>26</sup>.

Воспоминания Г. Гапона интересны тем, что их автор находился в центре событий, и на его глазах разворачивалось Кровавое Воскресение, переросшее затем в революцию. Им же было написано покаянное письмо министру внутренних дел П. Н. Дурново<sup>27</sup> после того, как революция пошла на спад, в попытке очистить свое имя перед лицом властей.

А. И. Спиридович начал свою работу в Московском отделении полиции, еще в бытность ее шефом С. В. Зубатова, и на его глазах разворачивалась «зубатовщина», со всеми ее достоинствами и недостатками, он был свидетелем реформирования полиции в 1905–1907 гг., возглавлял различные ее инстанции. Весь этот путь он отразил в своих записках. Кроме

---

<sup>18</sup> ГАТО. Ф. 434. Оп. 3. Д. 1. Переписка о секретных сотрудниках жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги. 1912 год; ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 406. 1916. О секретном сотруднике Николае Ивановиче Трудолобове по кл. «Новый»; ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 393. О секретном сотруднике Ксении Васильевне Домополовой по кл. Сидорова; ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 405. 1913. О секретном сотруднике Александре Петрове Сыромятникове по кл. «Профессионал»; ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 408. 1911. О секретном сотруднике Семене Николаевиче Чумакове по кл. «Цеховой»; ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 404. 1915. О секретном сотруднике Николае Ефимовиче Стафиеском. (Седой).

<sup>19</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 17. Политические обзоры Томской губернии и отчеты о деятельности чинов жандармского управления за 1894–1896 годы; Ф. 411. Оп. 1. Д. 5. Дознание о лицах, обвиняемых в оскорблении личности царя.

<sup>20</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Финансовый отчет секретных расходов за период с 17 июля 1904 г. по 17 дек. 1905 г. с приложением копий телеграмм, посланных за этот период; Ф. 411. Оп. 1. Д. 195. Объяснительные записки о причинах медленного расследования дела о Томской организации Всероссийского общесеминарского союза (26 февраля – 5 марта 1909 г.).

<sup>21</sup> Гапон Г.А. История моей жизни. Л., 1926. 184 с.

<sup>22</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. 205 с.

<sup>23</sup> Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М., 1923. 98 с.

<sup>24</sup> «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. [Т.] 1 / [вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой]. М., 2004. 509 с.

<sup>25</sup> Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. 204 с.

<sup>26</sup> Зубатов С.В. Письмо в «Вестник Европы» // Вестник Европы. 1906. – Т. 2. – С. 432–436.

<sup>27</sup> Гапон. Г.А. Письмо к министру внутренних дел П. Н. Дурново // Красный архив. М.; Л., 1925. № 2 (9). С. 296.

того, интересна его карьера как жандарма, прошедшего все ступени карьерной лестницы и участвовавшего в ряде практических акций Департамента полиции.

А. А. Лопухин был директором Департамента полиции накануне революции, однако вскоре после ее начала он получил отставку. Тем не менее, мемуары столь высокопоставленной фигуры позволяют изнутри увидеть как сам Департамент, так и императорский двор, куда был вхож бывший директор. Кроме того, в 1907 г. А.А. Лопухин предложил официальный проект реформирования полиции, принятый к рассмотрению.

П. П. Заварзин, как и А. И Спиридович, прошел всю карьерную лестницу от адъютанта до начальника Варшавского охранного отделения, и как следствие, имел возможность оценить изнутри ее различные стороны.

Личность А.В. Герасимова важна тем, что он в 1906 году курировал деятельность Е. Ф. Азефа, одного из величайших провокаторов начала XX века, а впоследствии был одним из немногих, кто защищал его (после вскрытия провокаторства). О своей работе с ним и об оценке деятельности Азефа, Герасимов написал в своих мемуарах.

Наконец, С. В. Зубатов в своих письмах излагал свои взгляды на будущее полиции, а также обосновывал необходимость наличия контроля полиции за рабочим движением, то есть обратился к основным идеям своей деятельности на посту директора Особого отдела Департамента полиции. Кроме того, в них он раскрыл суть «зубатовщины»<sup>28</sup>, как особого комплекса мер по переводу рабочего движения в мирное русло<sup>29</sup>.

Кроме того, интерес представляют воспоминания Л.А. Тихомирова<sup>30</sup>, известного народовольца, а потом убежденного монархиста. Он наблюдал работу дореформенной полиции как ее противник, видел все ее слабые стороны, которые впоследствии подверглись модернизации.

**4. Политические и публицистические произведения** – различного рода революционные программы, памфлеты, речи и воззвания. Данный тип источников позволяет понять, какова была политическая обстановка, в условиях которой работала полиция. В этом ряду первой стоит работа П. Г. Заичневского «Молодая Россия»<sup>31</sup>, в которой впервые была обоснована идея террора как средства достижения цели в России. С этой работы и началось становление народовольческой, а затем и эсеровской идеологии.

Другие документы политического характера, приведенные здесь, относятся уже к периоду революции 1905 г. Здесь в первую очередь необходимо отметить работы

---

<sup>28</sup> Зубатов С.В. Зубатовщина // Былое. 1917. – № 4. – С. 157–178.

<sup>29</sup> Зубатов С.В. К истории зубатовщины // Былое. СПб, 1917. – № 1. – С. 86–99.

<sup>30</sup> Из архива Л. А. Тихомирова // Красный архив. Т. 6. М., 1924. С. 124–194.

<sup>31</sup> Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л.Рудницкой. М., 1997. С. 142–150.

В. И. Ленина, в работах которого содержится альтернативный взгляд на разворачивающиеся события в стране. Подобная точка зрения обладает немалой ценностью, поскольку позволяет оценить преобразования политического сыска с другой стороны – революционной – против которой он и был направлен. Так, в статье «Московские зубатовцы в Петербурге»<sup>32</sup> В.И. Лениным впервые был поднят вопрос контролируемых правительством организаций рабочего движения. В.И. Ленин безусловно признавал их опасность, но в то же время призывал использовать подобные организации, внедряя в них своих агитаторов и последовательно ведя разъяснительную работу об истинных целях правительства – не допустить получения революционерами полноценной электоральной и кадровой базы среди рабочего класса. Более того, концепция данных организаций вызвала у Ленина настолько сильное неприятие, что впоследствии он использовал сам термин «зубатовщины» как обличительный к самым разным аспектам политической жизни страны, например, к созданию Государственной Думы, что и было обосновано в статье «Еще о думском министерстве»<sup>33</sup>.

Схожие мысли высказал В.И. Ленин и в статье «Петербургская стачка»<sup>34</sup> от 24 (11) января 1905 г., написанную по горячим следам Кровавого Воскресения. Главной причиной этого выступления Ленин называл «зубатовщину» – в частности ту ее часть, которая была посвящена созданию легального, подконтрольного властям рабочего движения. Рассуждал о природе «зубатовщины» он и в выступлении на Петербургской общегородской конференции РСДРП (II)<sup>35</sup>. Наконец, еще раз тему «зубатовщины» В.И. Ленин затронул в статье «Революционные дни»<sup>36</sup>, однако с упором на участие в развернувшихся событиях Г. Гапона. Здесь интересно то, как будущий лидер советского государства оценивал личность священника в революционных событиях начала 1905 г., и то, как потом эта оценка изменялась.

Что касается в целом отношения В.И. Ленина к революции 1905–1907 года, то в той же статье он поначалу верил, что долгожданное падение царского режима не за горами<sup>37</sup>. Более того, ради достижения этой цели он не исключал потенциального союза с эсерами, не смотря на идеологическое неприятие их программы и целей. Так, В.И. Ленин стал всецело поддерживать их тактику и призывал использовать террор для максимального раскачивания ситуации в стране<sup>38</sup>. Конечно, терроризм в его глазах носил в первую очередь ситуативный

---

<sup>32</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 7. С. 83–88.

<sup>33</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1972. Т. 13. С. 261–265.

<sup>34</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 9. С. 174.

<sup>35</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 12. С. 191–208.

<sup>36</sup> Там же. С. 205–229.

<sup>37</sup> Там же. С. 207–209.

<sup>38</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1960. Т. 11. С. 339–343.

характер, в отличие от эсеровского его понимания как основного инструмента в борьбе с властью. Наконец, интересна его оценка количества стачек и забастовок в России, освещенная в статье «О статистиках стачек в России»<sup>39</sup>

Таким образом, благодаря собранному материалу возможно освещение как и теоретического аспекта (нормативные акты, указы, положения – то, каковым должно было быть устройство полицейских служб) деятельности политической полиции Российской империи изучаемого периода, так и изучение его практического аспекта (полевая работа отделений как в Томской губернии, так и в центральных городах империи). Дополняют этот обзор источники личного характера тех исторических персон, которые имели непосредственное отношение к розыскной работе в империи, а также комплекс материалов политической публицистики того времени, призванной раскрыть то, как антиправительственные силы относились к различным аспектам деятельности Департамента полиции и протекавшим в ней изменениям. Резюмируя, можно утверждать, что собранная источниковая база позволяет достичь поставленных в исследовании цели и задач.

### **Историография работы**

До Октябрьской революции по рассматриваемому периоду деятельности полиции (с 1882 по 1907 год) не было значимых трудов<sup>40</sup>. Освещались в основном отдельные аспекты деятельности Департамента, в частности, процедура перлюстрации. Исключение составляет труд М. К. Лемке 1908 г.<sup>41</sup>, в котором была дана первая системная попытка описать политический сыск в стране. Другим исследованием, имевшим схожий предмет, можно назвать работу В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-80-х годах XIX века: Партия “Народной воли”, ее происхождение, судьбы и гибель»<sup>42</sup>. Хотя автор и сделал упор на изучение народовольческого террора, тем не менее, данный труд представляет определенный интерес как анализ действий полиции, осуществленный из «противоположного» ей лагеря. Помимо этого, изучение народовольцев как предшественников эсеров позволяет проследить зарождение и эволюцию политических взглядов последних, в итоге и ставших основным противником правоохранительных органов в начале XX века.

В советское время было не принято заниматься исследованиями дореволюционных тайных служб павшего режима. Тем не менее, в рамках дискредитации их деятельности был опубликован ряд работ. Так, уже в 1922 г. вышла книга П. Павлова «Агенты, жандармы,

<sup>39</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 19. С. 377–407.

<sup>40</sup> Иванцов М.Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 2009. С. 125.

<sup>41</sup> Лемке М.К. Политические процессы в России 1860-х гг. : по архивным документам. М., 1923. 684 с.

<sup>42</sup> Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70–80-х годах XIX века: Партия "Народной воли", ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. 483 с.

палачи»<sup>43</sup>, в которой были приведены фамилии наиболее известных провокаторов Департамента полиции. Основываясь на текстах речей в судах, протоколах, мемуарах и архивных документах, автор охарактеризовал их деятельность, привел обстоятельства их раскрытия революционными ячейками, подчеркивая при этом классовый характер борьбы, которую они вели. Труд интересен также тем, что в нем также приведены биографии исполнителей смертных приговоров, действовавших в дореволюционной России.

Было опубликовано несколько научных работ по теме «зубатовщины». Одна из них – книга «Зубатов и его корреспонденты: среди охранников, жандармов и провокаторов»<sup>44</sup> за авторством Б. П. Козьмина, вышедшая в 1928 г. В центре работы – личность С. В. Зубатова, человека, реформировавшего отечественную полицию в конце XIX–начале XX века. Автор привел личную переписку С.В. Зубатова с В. Л. Бурцевым, редактором журнала «Былое», и на ее основании проанализировал идеи (как и политические, так и на уровне розыска) бывшего начальника Московского отделения.

Также к раннему периоду существования советской власти, относится появление исследования Л. П. Менщикова «Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия». Данную работу можно назвать научной с оговорками, поскольку в основе лежат личные воспоминания автора, однако с другой стороны Менщиковым были одним из первых проанализированы циркуляры Департамента полиции (в том числе и секретные)<sup>45</sup>.

Помимо этого, феномен политической полиции все активнее начал завоевывать свое внимание в профессиональной научной среде, что послужило толчком к дополнительным изысканиям, и как следствие – защите ряда диссертаций по теме – например, А. Н. Ярмыш «Политическая полиция Российской империи»<sup>46</sup>, и Л. И. Тютюнник «Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже 19-20 веков (1880–1904)»<sup>47</sup>.

Тем не менее, все работы данного периода были написаны в рамках марксистской парадигмы, что делало возможным видение служб политического сыска исключительно с позиций классовой борьбы.

Проблематика тайной полиции Российской империи обратила на себя пристальное внимание исследователей уже после распада Советского Союза. Так, в 1992 г. вышел труд

---

<sup>43</sup> Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. Петроград, 1922. 85 с.

<sup>44</sup> Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты: Среди охранников, жандармов и провокаторов. М., 1928. 144 с.

<sup>45</sup> Менщиков Л. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1932. 282 с.

<sup>46</sup> Ярмыш А.Н. Политическая полиция Российской империи, 1880–1904 гг.: диссертация ... кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 1978. 226 с.

<sup>47</sup> Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже 19-20 веков (1880–1904): диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 1986. 294 с.



Ф. М. Лурье «Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917»<sup>48</sup>. Имея схожую тематику исследования с П. Е. Щеголевым<sup>49</sup>, автор осуществил очень жесткую критику феномена провокаторства в политическом сыске страны с морально-этической стороны. Им было дано следующее определение провокации: «Политическая полицейская провокация заключается в том, что полицейский агент, находящийся в рядах правоохранительной структуры, информирует о деятельности сообщества, разрабатывает с полицейским начальством планы действий и в соответствии с ними подстрекает членов сообщества к правоохранительным поступкам (выступлениям)<sup>50</sup>. Тем не менее, Ф.М. Лурье не отрицал ее эффективности, утверждая, впрочем, о ее потенциальной опасности для правящего режима. Интерес представляет собой и его описание других органов политического сыска, существовавших в стране с XVII века.

Кроме того в 1993 г. вышел другой обобщающий труд по истории политической полиции Ч. А. Рууда и С. А. Степанова – «Фонтанка, 16. Политический сыск при царях»<sup>51</sup>. В нем авторы представили широкий обзор всем дореволюционным тайным службам, начиная еще с XVI века.

В 1997 г. вышел в свет труд А. Гейфман «Революционный террор в России, 1894–1917»<sup>52</sup>. В нем был дан обзор всем революционным группировкам и организациям, действующим на территории Российской империи в конце XIX – начале XX века и упор в работе был сделан именно на их террористическую деятельность. Репрезентативная статистическая составляющая работы – приведена подробная статистика жертв за каждый год революции и мирное время в целом.

Аналогичная тематика присутствует и в диссертационных трудах – в частности, Л. В. Ульянова представила подробный анализ взаимодействия политической полиции Российской империи и представителей либерального движения, конкретно – рассмотрение глазами полицейских чинов потенциальной опасности в выходцах из либеральной среды для режима<sup>53</sup>.

В 2000 г. вышел труд З. И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917 гг.)»<sup>54</sup>, описывавший зарождение, работу и изменения Департамента полиции и его местных отделений на территории империи. Крайне подробно характеризовались внутреннее устройство царской полиции, ее реформирование в различные периоды времени, а также

<sup>48</sup> Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. 413 с.

<sup>49</sup> Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930. 160 с.

<sup>50</sup> Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. С. 8.

<sup>51</sup> Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. 432 с.

<sup>52</sup> Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. 445 с.

<sup>53</sup> Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880–октябрь 1905 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 2009. 271 с.

<sup>54</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. 432 с.

биографии людей, ее возглавлявших. Также автором приведены уникальные документы, определявшие направленность деятельности сыскных органов того периода.

Наконец, в 2008 г. вышла книга «Спецслужбы России за 1000 лет»<sup>55</sup>, в соавторстве И. Линдера и С. Чуркина. Здесь авторы постарались проследить тенденции развития полиции, начиная с древнейших времен и заканчивая современностью. Дается обзор не только полицейским службам, но и различным видам контрразведок, существовавших за весь указанный период.

В том же году вышла статья В. Д. Путятин и Т. А. Кузнецовой «Об историческом опыте проведения реформ полиции в дореволюционной России»<sup>56</sup>. По своей тематике она схожа с предыдущей работой – авторы исследуют тенденции уже реформированной полиции в последний период ее существования. Интерес представляют и исследования по контингенту, с которым приходилось взаимодействовать сыскным службам. В частности, В. П. Зиновьев в ряде своих трудов произвел изучение положения ссыльных марксистов в Сибири<sup>57</sup>. Другой темой, поднимавшейся в современной российской историографии, стала проблема противостояния революционных и правительственных сил. Так, в 2013 году вышла статья Ю.И. Аликиной «Социалисты-революционеры и террор»<sup>58</sup>, где автором были выделены особенности индивидуального политического террора эсеров в конце XIX – начале XX века. Аналогичное исследование было проведено И.М. Горбачевой в работе «Политический терроризм социал-демократов в России в конце XIX – начале XX вв.»<sup>59</sup>. Более общую оценку этому явлению в целом дал М.И. Леонов в статье «Террор и смута в Российской Империи начала XX века»<sup>60</sup>

Освещался и региональный аспект исследования. В 2007 году была защищена диссертация С.И. Бойко по теме «Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе»<sup>61</sup>, где автором была дана характеристика деятельности, структуры и устройства местного жандармского управления.

---

<sup>55</sup> Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. 784 с.

<sup>56</sup> Путятин В.Д., Кузнецова Т.А. Об историческом опыте проведения реформ полиции в дореволюционной России (по материалам особой междуведомственной комиссии сенатора А. А. Макарова по преобразованию полиции в российской империи, 1906 – 1912 гг.) // Юридическая наука и практика. 2008. Т. 4. № 2. С. 19–25.

<sup>57</sup> Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.

<sup>58</sup> Аликина Ю. И. Социалисты-революционеры и террор // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. №2 (24). С. 232–235.

<sup>59</sup> Горбачева Ирина Михайловна Политический терроризм социал-демократов в России в конце XIX начале XX вв // Власть. 2014. №10

<sup>60</sup> Леонов М.И. Террор и смута в Российской Империи начала XX века. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. №5. С. 175–186.

<sup>61</sup> Бойко С.И. Казанское губернское жандармское управление в 1880 - 1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе : диссертация ... кандидата исторических наук. Чебоксары, 2013. 264 с.

Рассматривая томскую тематику исследования, необходимо обратиться к работам Н. С. Ларькова и И. В. Черновой «200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.»<sup>62</sup>, где авторы описали развитие губернской томской полиции в целом, а также «Полицмейстеры, комиссары, начальники: Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.», где приведены биографии лиц, их возглавлявших<sup>63</sup>. Также была защищена диссертация В. Г. Дорохова, описывающая практический аспект деятельности томских губернских органов политической полиции<sup>64</sup>. Кроме того, в 2010 г. был издан труд М. И. Шиловского «Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация»<sup>65</sup>, где автор буквально по минутам расписал одно из самых резонансных событий в истории города, произошедшее в годы революции – Томский черносотенный погром. В плане описания контекста действия политической полиции губернии необходимо отметить статью Е. И. Соловьёвой «Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в.»<sup>66</sup>, где автором была прослежена динамика сибирской ссылки, приводятся основные ее пункты и контингент отбывавших там наказание.

В 2009 г. вышел труд М. И. Иванцова по историографии политического сыска конца XIX – начала XX века в целом<sup>67</sup>. Автором были проанализированы и охарактеризованы как и исследования современности, так и советского и досоветского периода.

Помимо этого интерес представляют сборники документов, связанных с работой полиции. Первый из них – «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый»<sup>68</sup>. В нем приведены все программные документы различных революционных организаций, политические брошюры и памфлеты, позволяющие понять, с чем именно боролась полиция.

Конкретно о работе полиции рассказывает сборник «Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.)»<sup>69</sup>. Здесь

---

<sup>62</sup> Ларьков Н.С. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. 519 с.

<sup>63</sup> Ларьков Н.С. Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск, 1999. 180 с.

<sup>64</sup> Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–февраль 1917 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Кемерово, 2005. 195 с.

<sup>65</sup> Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. 150 с.

<sup>66</sup> Соловьёва Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 214–226.

<sup>67</sup> Иванцов М.Н. Отечественная историография политической полиции России XIX–начала XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 2009. 195 с.

<sup>68</sup> Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л.Рудницкой. М., 1997. 576 с.

<sup>69</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. 527 с.

содержится непосредственная информация о практической стороне полиции – доклады о проделанной работе, записки и письма сотрудников Департамента полиции и т.д.

Схожую тематику имеет и третий сборник – «Агентурная работа политической полиции Российской империи»<sup>70</sup>, – помимо документов, связанных с ведением расследований, он содержит целые положения, регламентирующие работу полиции, инструкции для ее сотрудников и т.д.

Таким образом, в современный период наблюдается отход от марксистских установок. С другой стороны, работы носят общий, обзорный характер, главной темой становится развитие непосредственно служб политического розыска в целом, нежели каких-то отдельных его составляющих (жандармские управления, охранные отделения и т.д.). Также впервые начинают появляться труды, посвященные именно сибирским отделениям политической полиции.

**Структура работы** полностью соответствует содержанию оглавления. В первом разделе первой главы охарактеризовано состояние политического сыска в Российской империи второй половины XIX века. Приведены такие факторы, которые повлияли на его развитие, как террор народовольцев (повлекший гибель Александра II), охранительный курс Александра III (когда была окончательно сформирована вертикаль полицейских органов), обострение ситуации в стране на рубеже веков и реформы С. В. Зубатова.

Во втором разделе рассмотрены непосредственно органы политического сыска, действовавшие на местах. В их число входили губернские жандармские управления, охранные отделения, губернские жандармские управления по железным дорогам. В силу специфики деятельности каждой из структур, а также из-за временных рамок исследования, основное внимание уделено первому виду подразделений. В конце раздела сделан вывод о результативности их деятельности.

В третьем разделе проанализированы особенности деятельности жандармского управления и охранного отделения Томской губернии, с целью подтвердить или опровергнуть информацию, полученную во втором разделе на конкретных примерах.

Во второй главе обозначены основные перемены, которые были связаны с революционной обстановкой, установившейся в стране. В первом разделе охарактеризованы ключевые изменения, произошедшие в устройстве политического сыска в империи, ставшие ответом на события 1905–1907 гг. Описаны как структурные преобразования в различных институтах полицейского аппарата, так и непосредственно практические аспекты –

---

<sup>70</sup> Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. М., 2006. 384 с.

модернизация и совершенствование техники розыска. В рамках контекста эпохи приведены основные вызовы, с которыми столкнулись органы политического сыска, и основные меры, принятые ими и правительством, по стабилизации обстановки.

Во втором разделе рассмотрены все вышеперечисленные явления, но уже в контексте протекавших революционных событий в Томской губернии. Используя информацию, полученную во втором и третьем разделе первой главы, а также с привлечением материалов первого раздела второй главы, произведен анализ отправления функций Томского губернского жандармского управления и Томского охранного отделения. В данном случае речь идет о том, насколько быстро в губернию проникали нововведения в розыскной работе по отношению к их появлению в центральных городах империи, и какие это влекло за собой качественные перемены.

В заключении сделан вывод об адекватном использовании/упущении модернизационного потенциала, полученного в результате поиска и выработки стратегии для борьбы с революционными силами Департаментом полиции в 1905–1907 гг.

## Глава 1 История органов политического сыска Российской империи второй половины XIX века

### 1.1 Российская тайная полиция в конце XIX – начале XX века

Начавшееся с неудачной Крымской войны правление Александра II включало в себя коренное преобразование различных сторон жизни общества, получившее впоследствии название «Эпоха великих реформ». Однако сам процесс реформирования и внедрения нововведений не всегда находил понимание у населения и политической элиты. Недовольство вызывал характер реформ, их противоречивость и незавершенность. Сказывались также на общественных настроениях и внешнеполитические события (результаты Берлинского конгресса), так и проблемы национального характера (восстание в Польше 1863 г.). В целом, оценивая обстановку в обществе того времени, П. А. Валуев писал: «Вообще во всех слоях населения проявляется какое-то неопределенное, обуявшее всех неудовольствие. Все на что-то жалуются и как будто желают и ждут перемены»<sup>71</sup>.

Именно тогда основным слоем, требующим перемен, становится разночинная молодежь. Не имея возможности к самореализации, осознавая при этом еще более худшее положение населения империи и желая в связи с этим изменить текущее положение дел, она постепенно пришла к мысли об использовании террора как инструмента для достижения своих целей.

Одним из первых выразителей этих идей в обществе был Петр Григорьевич Заичневский. Весной 1862 г., будучи заключенным Тверской полицейской части, он написал прокламацию «Молодая Россия». Им впервые был озвучен тезис о стихийном революционном выступлении, необходимом для изменения положения дел в стране: «Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один – революция, революция кровавая и неумолимая, – революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка»<sup>72</sup>.

Но самое главное, Заичневский в своей работе впервые затронул идею о политическом терроризме как единственном верном средстве достижения поставленных целей – перемен в обществе, революции в стране. «Мы изучали историю Запада и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим,

<sup>71</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 100.

<sup>72</sup> Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л.Рудницкой. М., 1997. С. 142.

что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90 годах»<sup>73</sup>. Здесь же он также первым использовал типичную революционную риторику того времени – тезис о неотвратимости революции, а кроме того – о величии конечной цели, оправдывающей любые средства.

Друзья Заичневского сумели размножить прокламацию, и в скором времени она получила широкое признание в молодежной среде. Это было первое теоретическое основание правомерности террора в России. Первым же практическим актом стало покушение Д.В. Каракозова на Александра II. Именно его считают началом более чем полувековой эпохи терроризма в Российской империи.

Правительству следовало принять меры. До этого момента функции политического розыска (наряду со многими другими, что не могло не сказаться на эффективности ведения работы) осуществляло только Третье Отделение (определенные исполнительные функции иногда справлял Корпус Жандармов). Поэтому в 1867 г. вышло «Положение о Корпусе Жандармов», санкционировавшее создание первых губернских жандармских управлений, нацеленных на ведение и производство дознания по государственным преступлениям.

Однако данная мера не остановила революционеров. В 1869 году С. Г. Нечаев основал общество «Народная Расправа», поставившее своей целью посредством индивидуального террора добиться перемен в стране. Фактически он являлся создателем первой непосредственно террористической организации в стране. Однако вскоре Нечаев был арестован за убийство одного из своих сподвижников – студента И. И. Иванова, и сослан, а кружок был распущен. Действия Нечаева были сочтены подавляющим большинством революционеров неприемлемыми, и террор как инструмент воздействия на общество пока себя не оправдал (на тот момент). Кроме того, все большую популярность обретало «хождение в народ». На первый план вышла агитация и просвещение народа, а не точечные удары по власти. В связи с этим не было и глобальных изменений в органах сыска империи – правительство посчитало, что ситуация под контролем.

Постепенно практика «хождения в народ» пошла на спад. Здесь свою роль сыграло и нетерпение части народников, жаждавших немедленных перемен, и настороженное отношение крестьян к пропаганде, и правительственные меры, призванные прекратить агитацию в деревне.

Все это подтолкнуло революционно настроенную молодежь перейти к более радикальным методам воздействия на общество – к индивидуальному террору.

---

<sup>73</sup> Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л.Рудницкой. М., 1997. С. 146.

Впервые революционеры громко заявили о себе в 1878 г., – новую кровавую эпоху открыла Вера Засулич выстрелом в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Вслед за этим началась массовая охота на представителей власти – были совершены покушения на главу жандармов Одессы Г. Э. Гейкинга, на прокурора Киева М. М. Котляровского, был убит шеф жандармов Н. В. Мезенцов и харьковский генерал-губернатор Д. Н. Кропоткин. Каждое убийство в свою очередь ударяло по престижу власти в целом и органов сыска в частности.

Активизировалась и охота на императора – покушения возобновились. 7 февраля 1880 г., (после покушения С. Халтурина – 5 февраля 1880 г.), великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике: «Мы переживаем время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем понятия об их численности ... всеобщая паника»<sup>74</sup>. Власти срочно должны были принять меры.

Террористы действовали быстро, смело и непредсказуемо – в короткие сроки они осуществили свои акции во многих крупных городах империи. Известный народоволец Лев Тихомиров так описывал работу российской тайной полиции в конце царствования Александра II (1878 г.): «...Третье Отделение находилось в слабом и дезорганизованном состоянии, и трудно себе представить более дрянную политическую полицию, чем была тогда. Собственно, для заговорщиков следовало бы беречь такую полицию; при ней можно было бы, имея серьёзный план переворота, натворить чудес...»<sup>75</sup>. Схожее мнение бытовало и у чинов полиции о том периоде. Как писал П. П. Заварзин: «В то время политический розыск в Империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах»<sup>76</sup>.

Как итог, Третье Отделение было упразднено (большую роль здесь сыграло упомянутое убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова – главы самой известной сыскающей структуры в империи), вместо него учреждалась Верховная Распорядительная Комиссия (Верховная Расправа), наделенная широчайшими полномочиями для прекращения покушений на государственный порядок.

Однако ее начальник, генерал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов, полагал, что главное – лишить террористов почвы под ногами. Это бы стало возможным только тогда, когда бы «заведование всей полицией в государстве, как общей, так и политической, земскими и

---

<sup>74</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 10.

<sup>75</sup> Из архива Л. Тихомирова. М., 1924. Т. 6. С. 155.

<sup>76</sup> «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т.1. С. 117.



городскими делами и печатью будет сосредоточено в Министерстве внутренних дел в лице министра»<sup>77</sup>.

Именно тогда началась разработка проекта Департамента полиции. Лорис-Меликов преуспел, но лишь частично – Департамент был учрежден в 1880 г., но полностью начать действовать не успел – 1 марта 1881 г. император погиб от бомбы террориста.

После убийства императора Александра II власти осознали, что тайная полиция совершенно не способна вести успешную розыскную работу и поэтому санкционировали многочисленные реформы, направленные на изменение и улучшение сложившегося положения дел.

Первым делом было закончено формирование структуры полицейского управления – были окончательно закреплены функции и полномочия Департамента («Положение об устройстве секретной полиции в империи»<sup>78</sup>, 1882 г.).

Эта мера доказала свою эффективность – уже начавшиеся поимки народовольцев были завершены к 1884 г., а оставшиеся на свободе были вынуждены эмигрировать из страны. В итоге в стране не осталось кадров, способных продолжить дело народовольцев.

Царствование Александра III началось с трагической гибели его отца, поэтому весь его курс после этого был сориентирован на поддержание внутреннего порядка и стабильности. Как следствие, революционное движение пошло на спад и вплоть до середины 1890-х годов громких террористических акций не было, хотя попытки их осуществления предпринимались.

Так, старший брат В. И. Ульянова (Ленина) – А. И. Ульянов – в 1886 г. создал «Террористическую фракцию партии “Народная воля”», подготавливавшую покушение на императора Александра III. Но полиция в этот раз сработала оперативно, и в марте 1887 года сотрудниками Департамента были арестованы все участники готовившегося убийства. Интересно, что Ульянов первым в России обратил внимание на марксистскую идеологию как инструмент в революционной борьбе.

Таким образом, в период всего правления Александра III было совершено только одно удачное публичное (при свидетелях) покушение – в 1882 г. народоволец Н. А. Желваков застрелил генерал-майора В. С. Стрельникова. Если не считать сорванную попытку убийства императора в 1887 г., более никаких публичных террористических акций предпринято и не было. Это объясняется и новой охранительной политикой, и отсутствием революционных кадров (частично они были репрессированы, частично эмигрировали, а новое поколение еще не выросло).

---

<sup>77</sup> «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т.1. С. 28.

<sup>78</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 377.

Тем не менее, революционная среда также не стояла на месте. В 1897 г. из нескольких кружков и объединений начала складываться партия социалистов-революционеров (эсеров) – основных противников политической полиции в последующие годы. Это совпало со следующим шагом в развитии политической полиции – им стало создание Особого отдела Департамента Полиции в 1898 г. Эта структура и была ядром Департамента – в ней были сосредоточены главные функции сыска и розыска – заведование внутренней и заграничной агентурой, ведение политического розыска, регистрация нелегальной прессы и т.д.

К 1902 году создание партии эсеров было завершено и начались первые теракты. Самым громким из них в том же году стало убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Это свидетельствовало, что в борьбе с терроризмом органы сыска проигрывали. На этот раз власти решили сделать упор на реформировании методов ведения сыска и обратились к опыту С. В. Зубатова. Это была действительно неординарная личность, «выдающейся во многих отношениях»<sup>79</sup>.

Будущий полицейский реформатор сам какое-то время разделял взгляды народовольцев, входил в их кружок, но позднее порвал с прошлым и перешел на работу в Московское отделение полиции. Здесь он сумел подняться до должности начальника и ввел на этом посту ряд радикальных мер в отечественном сыске. Им были разработаны новые методы сыска и розыска. С. В. Зубатовым же был создан специальный летучий отряд филеров (филеры сами по себе являлись агентами-наблюдателями, однако в их компетенцию входило и задержание потенциальных антиправительственных элементов), действовавший по всей стране и используемый для обнаружения и задержания наиболее опасных революционеров. Несмотря на высокую эффективность отряда, с действиями его участников был сопряжен ряд проблем. В частности, П. И. Рачковский писал, что некоторые сотрудники летучего отряда «до крайности избалованы, проникнуты каким-то артельным коммуным духом, никого из местных властей не признают, смотрят на начальников ГЖУ свысока, подчас дерзки и заносчивы...»<sup>80</sup>.

При С. В. Зубатове была введена практика использования секретных сотрудников и сформулированы правила работы с ними. Хорошо их характеризует несколько поэтическая метафора их автора: «Вы, господа, должны смотреть на секретного сотрудника как на любимую женщину, с которой находитесь в нелегальной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный Ваш шаг, и Вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я Вам советую, и они поймут Вас, доверятся Вам и будут работать с Вами честно и

---

<sup>79</sup> Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты: Среди охранников, жандармов и провокаторов. М., 1928. С. 3.

<sup>80</sup> Перегудова З.И. Политический сыск в России. 1880–1917. М., 2000. С. 172.

самоотверженно»<sup>81</sup>. Кроме того, в широкое обращение была введена перлюстрация писем. Механизм проверки писем Спиридович описывал так: «Письма участников революционного движения подвергались действиям различных кислот в целях проявления секретного текста, расшифровывались, копировались и отсылались местным розыскным органам для выяснения и дальнейших по ним мероприятий. Данные перлюстрации служили только для розыска, как добытые “негласным путем” и использованию на дознаниях не подвергались»<sup>82</sup>. Все эти меры с лихвой оправдали себя – как писал А. И. Спиридович: «Заниматься в Москве революционной работой считалось безнадежным делом»<sup>83</sup>.

Перейдя на работу в Особый отдел Департамента, С. В. Зубатов постарался распространить свои нововведения на всю территорию империи и продолжил реформирование отечественной системы сыска. В 1902 г. были созданы розыскные пункты. «Положение о начальниках розыскных отделений от 12 августа 1902 г.» определяло их функции, т.е. «...заведывание политическим розыском, т. е. наружным наблюдением и секретной агентурой в известном определенном районе»<sup>84</sup>.

Он также предложил оригинальную технику вербовки секретных сотрудников. По воспоминаниям генерала А. И. Спиридовича, его беседы с арестованными происходили так: «После каждых групповых арестов или ликвидации Зубатов подолгу беседовал с теми из арестованных, кто казался ему интересным. Это не были допросы, это были беседы за стаканом чая о неправильности путей, которыми идут революционеры, о вреде, который они наносят государству. Во время этих разговоров со стороны Зубатова делались предложения помогать правительству в борьбе с революционными организациями»<sup>85</sup>.

Здесь видно, что С. В. Зубатов старался по максимуму заронить в собеседника сомнение относительно правильности его действий, чтобы либо перетянуть его на свою сторону, либо поколебать его решимость и вывести из игры. И действительно, как писал далее Спиридович: «Некоторые шли на эти предложения, многие же, если и не шли, то все-таки сбивались беседами Зубатова с своей линии, уклонялись от нее, другие же совсем оставляли революционную деятельность»<sup>86</sup>. Как итог, имя Зубатова «сделалось нарицательным и ненавистным в революционных кругах. Москву считали гнездом “провокации”»<sup>87</sup>.

---

<sup>81</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 51.

<sup>82</sup> Там же. С. 62.

<sup>83</sup> Там же. С. 52.

<sup>84</sup> Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 376.

<sup>85</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 49.

<sup>86</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 50.

<sup>87</sup> Там же. С. 52.

Также С.В. Зубатов был первым, кто сделал упор на массовое идеологическое противостояние с революционерами – им велся учет всех нелегальных изданий периодической печати (действительно, при отделении была: «библиотека всех революционных и вообще запрещённых изданий»<sup>88</sup>) и им же были созданы легальные организации помощи рабочим, с помощью которых он хотел контролировать революционное движение. Данные организации с одной стороны вели просветительскую работу в рабочей среде, с другой – выявляли в ней профессиональных революционеров. Как писал С. В. Зубатов, главный принцип, который он хотел донести до рабочих, был следующим: «Замена революционного учения эволюционным, а, следовательно, отрицание, в противоположность революционерам, всех форм и видов насилия»<sup>89</sup>.

Свою озабоченность касаясь возможности влияния на рабочих противоправительственных элементов он обосновывал так: «Рабочий класс – коллектив такой мощности, каким, в качестве боевого средства, революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты массовых студенческих выступлений. Чисто количественная его величина усугублялась в своем значении тем обстоятельством, что в его руках обреталась вся техника страны... Будучи разъярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения существующего государственного и общественного строя, коллектив этот неминуемо мог оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей»<sup>90</sup>.

Таким образом, С. В. Зубатов разделял мнение, что рабочий класс является основным источником будущей революции. В связи с этим, по его соображениям, нужно было направить его в мирное русло, избавив от влияния революционеров. Эта его политика и получила название «зубатовщины».

По Зубатову принципы легального рабочего движения должны быть следующими:

1. «Замена революционного учения эволюционным, а, следовательно, отрицание, в противоположность революционерам, всех форм и видов насилия.
2. Проповедь преимущества самодержавной формы правления в области социальных отношений, как формы, по внеклассности своей, заключающей в себе начало третейское, а, следовательно, враждебной насильственным приёмам и склонной к справедливости.
3. Разъяснение разницы между революционным рабочим движением, исходящим из социалистических начал, и профессиональным, покоящимся на принципах

---

<sup>88</sup> «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1. М., 2004. С. 110.

<sup>89</sup> Зубатов С.В. Зубатовщина // Былое. 1917. – № 4. – С. 157–178.

<sup>90</sup> Там же.

капиталистического строя: первое занято реформой всех классов общества, а второе – своими непосредственными интересами.

4. Твёрдое уяснение того положения, что границы самодеятельности оканчиваются там, где начинаются права власти: переход за эту черту был признан недопустимым своеволием, – всё должно направляться к власти и через власть»<sup>91</sup>.

Стоит отметить, что революционерами зубатовские меры воспринимались крайне серьезно. В частности, В.И. Ленин прямо писал об опасности легальных рабочих организаций для рабочего движения, призывая ни в коем случае не вступать с подобными в контакт, дабы не оказаться на скамье подсудимых, или, что хуже, в их рядах, будучи перевербованным<sup>92</sup>.

Однако правительство постепенно пришло к выводу, что Зубатов брал на себя слишком много, что его проекты слишком опасны и провокационны для общественного порядка. Как он вспоминал о реакции В. К. Плеве на свои преобразования: «Надежды мои не оправдались. Настоятельность репрессии в его глазах все более и более возрастала, и он начал на меня сердиться, что я пустяками отвлекаюсь от настоящего дела. Наконец, он перешел к грубому требованию “все это” прекратить...»<sup>93</sup> В итоге С. В. Зубатов под предлогом ведения интриг против Плеве в 1903 г. был со скандалом уволен в отставку.

Без него выстроенная им полицейская система быстро пришла в упадок. Это признавали и те современники, которые скептически относились к его нововведениям, так, А.В. Герасимов писал: «После удаления Зубатова разруха в Департаменте полиции достигла своей высшей точки»<sup>94</sup>. Розыскные пункты были частично упразднены, частично совмещены с другими структурами (но не все – часть все же была переоборудована в охранные отделения). Печальна и судьба рабочих организаций – без должного контроля полиции они частично самораспустились, а некоторые (главное из которых – Петербургское) попали в руки священника Г. А. Гапона, давно уже проявлявшего к ним интерес.

Его в какой-то мере можно назвать сподвижником Зубатова. Но если Зубатовым двигала идея победы над революцией путем контроля рабочих (и как следствие, дарования им определенных социальных прав и свобод, улучшения их уровня жизни), то Гапон выступал именно за перманентное улучшение жизни рабочих. Как он писал: «Я жаждал поработать для народа, но в то же время отлично сознавал, что встречу непреодолимые препятствия со стороны полиции, если буду действовать независимо...»<sup>95</sup>. Руководя

<sup>91</sup> Зубатов С.В. К истории зубатовщины // Былое. СПб, 1917. – № 1. – С. 86–99.

<sup>92</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1967. С. 83–88.

<sup>93</sup> Зубатов С.В. Письмо в «Вестник Европы» // Вестник Европы. 1906. – Т.2. – С. 432–436.

<sup>94</sup> Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 87.

<sup>95</sup> Гапон Г.А. История моей жизни. Л., 1926. С. 12.

бывшими зубатовскими организациями, именно он в итоге возглавил демонстрацию в Кровавое Воскресение, начав, по сути, Революцию 1905–1907 гг. По злой иронии, рабочие организации выполнили функцию совершенно противоположную изначальной – вместо предупреждения революции они стали ее катализатором.

Показателен и другой факт – после отставки С. В. Зубатова возобновились громкие политические убийства – уже в 1904 г. погиб министр внутренних дел В. К. Плеве, а в феврале 1905 г. был взорван великий князь Сергей Александрович. В организации этих терактов принимали участие двойные агенты-провокаторы, контроль над которыми правительством был потерян.

Подведем итоги. Реформирование российской полиции происходило в условиях, когда иного пути уже не было – правительство не работало на опережение террористов, оно лишь отвечало на их вызовы. Поэтому революционеры все время были на шаг впереди, поскольку правительство боролось с симптомами, но не с причинами.

Введенных мер хватало только на первых порах, спустя определенное время снова происходил взрыв террористической активности. После того, как покушения шли на спад или прекращались, правительство не предпринимало каких-либо мер, направленных на закрепление успеха, оно оставляло дело на самотек, считая, что с угрозой покончено.

Аналогичная ситуация повторилось перед Революцией 1905 года – рабочие организации оказались предоставлены самим себе, розыскные пункты были упразднены, каких-либо мер, направленных на пресечение народного возмущения принято не было, органы сыска не получали специальных инструкций. Все это позже сыграло свою роль.

Приведем цитату из упомянутой ранее «Молодой России»: «Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода!»<sup>96</sup>. П. Г. Заичневский писал о реалиях 1860-х годов, но его слова красочно описывали ситуацию в стране в ходе русско-японской войны и накануне Революцией 1905 года.

---

<sup>96</sup> Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л.Рудницкой. М., 1997. С. 144.

## 1.2 Характеристика местных органов политического сыска

Российская империя впервые массово столкнулась с политическим террором в конце 1870-х годов, когда народолюбцами был совершен ряд покушений на представителей власти. Необходима была не только перестройка центральных органов, отвечающих за политический сыск (будущий Департамент полиции), но и создание разветвленной сети структур, занимающихся этим на местах.

Поэтому заведовавшее еще со времен правления Николая I политическим розыском Третье Отделение было упразднено – после громкого убийства шефа жандармов Н. В. Мезенцова стало ясно, что оно совершенно не способно противостоять террористической угрозе. В связи с этим основным органом политического сыска был сделан Департамент полиции, чье создание началось в 1880 г. на фоне непрекращающихся покушений на императора. Новая организация так и не успела начать отправление своих функций при нем – 1 марта 1881 г. Александр II был смертельно ранен бомбой. Окончательно создание Департамента было оформлено в 1882 г. с выходом «Положения об устройстве секретной полиции в империи»<sup>97</sup>. Помимо общего организационного устройства, в документе прописывался порядок создания местных отделений, через которые Департамент и должен был осуществлять свои функции.

За весь рассматриваемый период сеть местных учреждений Департамента включала в себя губернские жандармские управления, областные жандармские управления, жандармско-полицейские управления железных дорог, охранные отделения и розыскные пункты. После 1907 г. также были созданы районные охранные отделения.

Основными структурами, отвечавшими за разработку информации по политическим делам, были губернские жандармские управления. Первые из них были созданы на основе «Положения о Корпусе жандармов»<sup>98</sup> от 16 сентября 1867 г. Их основной задачей была разработка произведенного розыска, производство дознаний по государственным преступлениям.

Одними из первых были созданы столичное и Московское управления (1867), в марте 1868 г. было учреждено жандармское управление в Варшаве. С этого времени жандармские управления охватывают сетью почти всю страну, они появляются практически во всех губерниях. В крупнейших городах империи также создавались жандармские кавалерийские команды, находящиеся в подчинении управления.

---

<sup>97</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 377.

<sup>98</sup> Положение о корпусе жандармов 1867. [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: библиотека Пашкова (дата обращения 07.05.2018). URL: <http://constitutions.ru/?p=7632>

Управления всегда находились в губернских городах. Начальник жандармского управления имел несколько помощников, которые находились в уездах и возглавляли уездные жандармские управления. Как правило, один помощник начальника отвечал сразу за несколько уездов.

В зависимости от расположения губернии, наличия предприятий, совокупной площади территории и численности населения присваивался один из трех разрядов и соответствующее содержание сотрудникам управления. Первый разряд имели столичные управления, второй – жандармские управления в наиболее крупных городах (Киев, Варшава, Вильнюс), третий относился к таким городам, как Архангельск, Астрахань, Баку, Витебск, Владимир и т.д.<sup>99</sup>.

Необходимо отметить, что областные жандармские управления выполняли те же функции, имели схожую структуру, и лишь охватывали большую территорию (например, Донское областное жандармское управление охватывало сразу четыре округа – Ростовский, Таганрогский, Черкасский, Донецкий). Часто они создавались в местах повышенной революционной активности – как например Севастопольское жандармское управление<sup>100</sup>.

С течением времени структура и направленность губернских и областных подразделений незначительно менялись, в основном лишь увеличивалось их количество. Основной же задачей в конце XIX – начале XX века жандармских управлений было производство дознаний по политическим делам – таким образом, непосредственно полевую работу осуществлять они не должны были. Тем не менее, на фоне постепенной радикализации обстановки в стране, управления получали все больше полномочий – так, в 1902 г. у каждой структуры было выделено по агентурно-наблюдательному пункту для оптимизации сыскной деятельности. Тем не менее, вся агентурная работа переходила в только что созданные (1902 г.) охранные отделения. На 1904 г. в полномочия жандармских управлений входило:

- наблюдение за политическими веяниями в обществе, производство дознаний по государственным преступлениям и других расследований,
- осуществление негласного полицейского надзора,
- наблюдение за лицами, проезжающими через границу, наблюдение за «иностранными разведчиками»,
- розыск и наблюдение за лицами, укрывающимися от преследований властей,
- оказание помощи общей полиции в восстановлении нарушенного порядка,

---

<sup>99</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 110.

<sup>100</sup> Там же. С. 111.



- конвоирование арестантов<sup>101</sup>.

Отсюда видно, что жандармские управления, помимо непосредственно политического дознания, сочетали в себе функции контрразведки и общей полиции. Это, в свою очередь, не могло не сказаться на эффективности политического сыска – что и было продемонстрировано в ходе революции 1905–1907 г. Без четкого разделения полномочий сотрудники губернских управлений не могли максимально эффективно исполнять свои главные обязанности. Что же касается самих сотрудников отделений, то их жизнь и труд были обставлены фактически на военный лад. Правительство очень большое внимание уделяло жандармской форме, было регламентировано ее ношение всему составу управления – от простого служащего до шефа корпуса. Несколько раз форма соответствующими указами менялась целиком – в 1881, 1897 и 1907 гг. Регламентировался и внешний вид сотрудников, вплоть до таких мелочей, как ношение бороды (в 1892 г. младшим чинам было разрешено ее иметь). В целом, подобные изменения продолжались вплоть до упразднения структуры в 1917 г.

Попасть на работу в жандармское управление было сложно. Для этого необходимо было отвечать ряду требований – будущий служащий должен был иметь образование первого разряда (средние учебные заведения<sup>102</sup>), стаж в армии не менее шести лет, не иметь судимостей и долгов, а также быть православного вероисповедания<sup>103</sup>. При соответствии всем критериям будущий кандидат должен был пройти устное собеседование и письменную работу. По их результатам решалось, достоин ли кандидат приема в Корпус или нет. Что интересно, темы собеседования и эссе не были привязаны к непосредственно сыскной тематике. Вот как это описывал А. И. Спиридович: «В первый день держали устный экзамен. Меня спросили, читал ли я фельетон “Нового Времени”, о брошюре Льва Тихомирова: “Конституционалисты в эпоху 1881 года” и что я могу сказать по этому поводу. Вещь была мне известна, и мой ответ удовлетворил комиссию. Предложив затем мне перечислить реформы Александра II и предложив еще несколько вопросов по истории и администрации и выслушав ответы, председатель комиссии объявил, что устный экзамен мною выдержан и что мне надлежит явиться на следующий день держать письменный... На письменном экзамене мне попала тема: “Влияние реформы всеобщей воинской повинности на развитие грамотности в народе...”»<sup>104</sup>.

---

<sup>101</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 113

<sup>102</sup> Начальное, среднее образование в Российской империи [Электронный ресурс] // Федеральный портал Protown.ru (дата обращения 17.05.18). URL: <http://www.protown.ru/information/hidden/6629.html>

<sup>103</sup> Отдельный корпус жандармов. Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. Казань: изд. К. Козьмин, 1899. С. 5–7.

<sup>104</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 31–32.

Что касается методологической составляющей деятельности жандармов, то специально для них создавались своды по производству дознаний и правил проведения допросов. Одним из таких представителей являлось «Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний» А. А. Попова. Автор не только привел практическую составляющую сыскной деятельности, но и очень подробно расписал юридическую базу действий жандармов. Им были даны определения таким понятиям как «преступник», «преступление», их классификация, соответствующие меры наказания за каждый проступок и обязанности жандарма по отношению к ним<sup>105</sup>. По ходу руководства А.А. Попов также дал ряд типовых ситуаций, в которых мог оказаться жандарм и расписал возможные варианты поведения в них. Кроме того, были описаны и чисто формальные вещи – заполнение протоколов по допросам, постановлений, справок и ряда других документов. В целом, благодаря таким пособиям сотрудники управлений не испытывали сложностей при производстве кабинетной работы.

Для контроля стремительно развивающейся железнодорожной сети были учреждены одноименные жандармско-полицейские управления. Эти подразделения были выделены из Министерства путей сообщения в 1866 г. указом «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог»<sup>106</sup>. Сфера деятельности управления распространялась на все пространство, отведенное под железные дороги, включая все находившиеся там сооружения и постройки. Из-за быстрого строительства новых путей, отделение очень скоро стало самым массовым в Корпусе Жандармов<sup>107</sup>.

Сотрудники управления должны были исполнять обязанности общей полиции и имели все ее права. Таким образом, изначально это управление несло исключительно надзорные функции за работой железных дорог. Вплоть до 1906 г. они не принимали участия ни в производстве дознаний по политическим преступлениям, ни в самом политическом розыске и слежке. На фоне же забастовок на железных дорогах в ходе революции 1905–1907 гг. сотрудникам управлений были даны дополнительные полномочия для предотвращения блокирования путей стачечниками.

В отношении суммарной численности, то всего на ноябрь 1912 г. в Корпусе жандармов состояло 12189 человек, из них 7288 состояли при железнодорожных

---

<sup>105</sup> Попов А.А. Руководство для чинов Корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний. СПб. 1885. С. 7–16.

<sup>106</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 115.

<sup>107</sup> Там же. С. 116.

управлениях и только 2158 непосредственно при губернских отделениях (без учета руководства)<sup>108</sup>. В масштабах Российской империи такая цифра была недостаточной.

В 1902 г. началось создание розыскных пунктов (в будущем часть из них получит название охранных отделений), целью которых являлось пресечение «революционных брожений» на вверенной им территории, ведение там политического сыска вплоть до арестов. Таким образом, была создана структура, непосредственно ведающая практической составляющей сыска. Курировал процесс тогдашний глава Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатов, проводивший ряд мероприятий, затрагивающих и изменяющих структуру и функции полицейских органов.

Формально первое охранное отделение было создано еще в 1866 г. в Санкт-Петербурге, на фоне покушения террориста-одиночки Д. Каракозова на Александра II. Следующее (Московское) появилось только в 1880 г. Тем не менее, деятельность этих двух отделений на вверенной им территории была настолько успешной, что правительством Александра III было решено создание аналогичных структур во всех крупных городах империи. Это в свою очередь было отражено в «Положении об устройстве секретной полиции в империи»<sup>109</sup>, документе, на полтора десятилетия определившим облик политической полиции страны. Специально для руководства охранными отделениями и жандармскими управлениями была учреждена должность инспектора секретной полиции. Первым и последним человеком, занимавшим ее, был Г. П. Судейкин. За несколько лет сделавший стремительную карьеру, он, заняв новую должность, создал ряд инструкций, впоследствии нашедших отражение в деятельности С. В. Зубатова. Так, согласно его рекомендациям, предполагалось: «1) Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами. 2) Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду. 3) Передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию кратковременных арестов обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве, вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы»<sup>110</sup>. Именно Г. П. Судейкиным впервые была предложена идея активного использования провокаций по отношению к революционным группам. Что касается его полномочий в отношении вверенных ему отделений, то инспектор секретной полиции имел право тасовать их личным составом, перебрасывая по необходимости из одной губернии в другую. Однако практически ничего из задуманного Судейкин реализовать не

---

<sup>108</sup> Отдельный корпус жандармов. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб, 1912. С. 783.

<sup>109</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 377.

<sup>110</sup> Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-80-х годах XIX века. М., 1912. С. 311.

успел – в декабре 1883 г. он попал в засаду на конспиративной квартире и тайно убит оставшимися на свободе народовольцами. На должность инспектора никто утвержден не был и процесс курирования жандармскими управлениями и охранными отделениями был приостановлен вплоть до начала XX века. Как следствие, новые подобные структуры в этот период также не были созданы.

Разморожен проект Г. П. Судейкина был С. В. Зубатовым. При содействии директора Департамента полиции А. А. Лопухина им было форсировано создание новых охранных/розыскных отделений (хотя треть из них по счету было открыто в 1900 г. в Варшаве, по-настоящему активно они начали создаваться в течение 1902–1903 гг. – в Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове, Перми, Симферополе, Нижнем Новгороде и т.д.<sup>111</sup>). При их создании были использованы наработки Г. П. Судейкина – была продолжена линия на централизацию сыска в империи. Правда, теперь все замыкалось не на одну фигуру инспектора, а непосредственно на управление Департамента полиции. Также внутри самой службы теперь действовали два управления, одно – для руководства службой ведения наружного наблюдения, другое – для руководства самими охранными отделениями.

Само это нововведение получило полярные оценки. С одной стороны, розыскная работа получила второе дыхание – появились структуры, полностью посвященные добыче информации. С другой – вскрылся кадровый вопрос и проблема соподчиненности структур. Как писал А.И. Спиридович: «Была довольна молодежь, так как ей давали ход по интересной работе, но старые начальники управлений, считавшие себя богами, были обижены»<sup>112</sup>. Хотя начинание положительно сказалось на качестве проводимого розыска, но негативно отразилось на разрешении внутренних вопросов – зачастую сотрудничество было возможно только в силу личного компромисса начальств жандармского управления и охранного отделения.

В целом же, кроме создания новых розыскных структур, С. В. Зубатов активно заимствовал и внедрял западные полицейские новации, в рамках модернизации практической стороны политического сыска страны. Им были внедрены методики конспирации внутренней агентуры, внедрено широкое фотографирование, начата регистрация подозрительных личностей и т.д.<sup>113</sup>. Им же были разработаны идеи полицейского социализма или, как впоследствии они были названы, «зубатовщины». Суть

---

<sup>111</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С.119.

<sup>112</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 111.

<sup>113</sup> Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930. С. 255.

данной концепции сводилась к созданию сети легальных рабочих организаций, которые бы отстаивали права рабочих в обмен на их политическую лояльность правительству.

Обратимся к устройству типового розыскного пункта. Вот как описывает его П. П. Заварзин: «Во главе стоял начальник; ближайшими его помощниками являлись жандармские офицеры и чиновники. Канцелярия его обслуживалась обычным штатом, причём при ней находился регистрационный отдел с антропометрическими и дактилоскопическими данными, а также библиотека всех революционных и вообще запрещённых изданий. На постоянной службе состояли также агенты наружного наблюдения, в общезнании называвшиеся “филерами”, а враждебно “шпиками”. Они составляли особую команду, подчинённую чиновнику, заведовавшему наружным наблюдением. Филеры вели “слежку”, а особые агенты производили выяснение фамилий и адресов наблюдаемых лиц и назывались надзирателями, или агентами по выяснению. Лица, которые подлежали наблюдению филеров, указывались начальником розыскного органа по поступившим в его распоряжение “агентурным” или “секретным” данным. Первые поступали от “секретных сотрудников”, вращавшихся в обследуемой среде. Эти сотрудники у революционеров назывались “провокаторами”. Свидания с ними осуществлялись на особых частных квартирах, называемых “конспиративными”, куда начальник розыска приходил в штатском платье»<sup>114</sup>.

Здесь также прослеживается влияние методов работы Г. П. Судейкина – широкое всестороннее использование секретных сотрудников и осведомителей. С. В. Зубатовым был продолжен курс на ознакомление сотрудников отделений с марксистской литературой – для лучшего понимания текущих тенденций в революционном движении. Такая политика была чревата перевербовкой секретных сотрудников – основных поставщиков информации и инструмента воздействия на революционное подполье, на которых Департаментом полиции делалась ставка в начале века. Тем не менее, пока С. В. Зубатов оставался в должности, выстроенная им система продолжала работать. Накануне его отставки даже был почти раскрыт Е. Ф. Азеф, но из-за интриг в правительственных кулуарах со скандалом он потерял свое место, был выслан во Владимир под полицейский надзор.

Говоря о судьбе его детища – розыскных отделений, то, несмотря на все их достоинства (стройная структура, передовые в условиях тех времен методы работы, подготовленный состав), главная проблема крылась не в до конца разведанных их полномочий с жандармскими управлениями. Дело в том, что хоть в компетенцию управлений входило проведение дознаний и наблюдения, а в полномочия отделений – розыск, разделение это было в большей мере условным. В связи с этим между организациями постоянно происходили конфликты интересов. В данном случае гораздо

---

<sup>114</sup> «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т.1. С. 110–111.

большей эффективностью обладала бы структура, в которой были бы собраны все эти функции.

Это косвенно прослеживается и в дальнейших преобразованиях розыскных пунктов. Часть из них была переименована в охранные отделения, остальные же постепенно сливались с более крупными, и, что главное, имевшими большой опыт работы (что было особенно важно в провинциях, удаленных от центра, в частности – в Сибири), губернскими управлениями. Здесь они принимали вид новых отделов, подчинявшихся непосредственно жандармскому начальству<sup>115</sup>.

Подведем итоги. До революции 1905–1907 гг. действовали следующие подразделения Департамента полиции, занимавшиеся политическим сыском в империи: губернские жандармские управления и охранные отделения. Несмотря на относительно подготовленный кадровый состав, совершенствование методов агентурной работы, достаточно широкий территориальный охват, основной проблемой, сводившей все эти достоинства, оставалась проблема соподчиненности и взаимодействия. Касаясь судьбы структур по отдельности, то деятельность охранных отделений дополнительно осложнялась сомнениями в допустимости использования секретных сотрудников и провокации как основного метода. Описывая дальнейшее развитие жандармских управлений, необходимо отметить, что здесь свою роль играл факт отправления дополнительного ряда обязанностей, не связанных с политическим розыском. Также смежными с жандармскими структурами были управления по железным дорогам, не осуществлявшие, правда, непосредственно функций политической полиции. Проблемой была и малая численность сотрудников в целом. Таким образом, органы политического сыска на местах, хоть и обладая определенными положительными чертами и характеристиками, не могли адекватно осуществлять свои функции в масштабах страны.

### 1.3 Развитие органов политического сыска в Томской губернии накануне революции 1905–1907 гг.

В Томской губернии осуществлением политического розыска занималось Томское губернское жандармское управление, а в период с 1903 по 1912 гг. еще и одноименное охранные отделение. При этом в регионе также существовало одноименное жандармское управление по железным дорогам, однако в силу ограниченности своих полномочий в плане политического сыска, оно фактически никак не могло влиять на пресечение революционной активности в регионе. Начнем с жандармского управления – старейшего органа

---

<sup>115</sup> «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1. М., 2004. С. 118.

политической полиции в губернии. Оно, вместе с рядом других подразделений по всей стране, было основано в 1867 г.

Центральной структурой в управлении, его ядром, была канцелярия. В ее рамках существовало общее руководство (занималось управлением органа в целом), розыскное (заведовало внешней и внутренней агентурой), следственное (производство дознаний), денежное (финансовые вопросы) подразделения. Помимо них существовало справочное подразделение политической благонадежности, выдававшее соответствующие документы по заявкам<sup>116</sup>.

Основные функции управления находились в фарватере официальной политики Департамента полиции, оно не имело права осуществлять политический сыск, а только производить дознание по политическим делам (без учета прочих второстепенных функций). Главным методом работы являлось наблюдение, однако в случае томского управления оно было организовано неэффективно – профессиональной агентуры не было, секретных сотрудников – мало, в итоге сбором сведений занималась совершенно для этого не предназначенная общая полиция<sup>117</sup>. Тем не менее, управление успешно выдержало несколько проводимых из центра проверок и аккредитаций. Так, согласно инспекторскому смотру от 3 ноября 1890 г. по Сибирскому Жандармскому округу по ряду городов (Мариинск, Ачинск, Красноярск, Иркутск) нарушений выявлено не было: «оружие в порядке, обмундирование хорошее, приемы знают»<sup>118</sup>. Выявлявшиеся проблемы (в Енисейске – проблемы с финансовой отчетностью, в Нижнеуидинске – проблема с теоретической подготовкой у руководства) не считались комиссией поводом к кадровым перестановкам. При всем этом главным же критерием прохождения проверки у рядового состава являлось знание/незнание «Имен царствующего дома и начальствующих лиц»<sup>119</sup>, что красноречиво свидетельствует о непосредственно практической его подготовке.

Тем не менее, в конце XIX века жандармы также были обязаны проходить подготовку на специальных курсах внутри управления. Аналогичные были представлены и в Томской губернии. В течение недели проходили ежедневные занятия, в которые входили как теоретические аспекты службы, так и непосредственно оттачивание практических навыков:

«Понедельник – Шашечные приемы;

Вторник – Обязанности жандармской службы;

Среда – Приготовительная к стрельским упражнениям;

---

<sup>116</sup> Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук. Кемерово, 2005.

<sup>117</sup> Там же. С. 93.

<sup>118</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–21.

<sup>119</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–21.

Четверг – Сборка-разборка револьвера;

Пятница – Обязанности жандармской службы;

Суббота – Шашечные приемы»<sup>120</sup>;

Отсюда видно, что распределение практических и теоретических занятий было равным (два дня на фехтование и один на сборку револьвера против двух дней на теорию службы и подготовку к стрельбам). С другой стороны, практическая полезность упражнений с шашками для губернской службы политической полиции весьма сомнительна.

Что касается кадрового вопроса, то здесь очень большое влияние на состояние сотрудников оказывала степень военизированности ведомства. Так, унтер-офицер Григорьев был уволен на 10 суток от службы за то, что не отдал честь вышестоящему начальству<sup>121</sup>. Другой случай – увольнение унтер-офицера Устинова на 20 суток за помощь сестре при переезде<sup>122</sup>. Эти цифры очень красноречивы в сравнении с другой, так, в 1891 году стражник Писарев был арестован всего на 7 суток за упущение конвоированного им арестанта<sup>123</sup>.

Определенные трудности в работе жандармского управления возникали из-за системы двойной соподчиненности – на основании принадлежности к Департаменту полиции оно находилось в ведении Министерства внутренних дел, однако помимо этого управление также являлось частью Отдельного Корпуса Жандармов, подчинявшегося Военному министерству. В связи с этим, кадровые решения осуществлялись через Корпус Жандармов, а непосредственно практическая деятельность должна была осуществляться через Департамент полиции, из-за чего и возникали противоречия и конфронтация внутри структуры<sup>124</sup>.

Рассматриваемый в исследовании период в работе Томского губернского жандармского управления ознаменовался крайне важным событием, как для него, так и для города в целом. Так, в 1891 году Томск посетил цесаревич Николай Александрович Романов (будущий император Николай II). Для обеспечения безопасности наследника престола были привлечены все полицейские службы региона, в том числе и политическая полиция губернии. Накануне приезда венценосной особы в жандармское управление поступило сообщение от ссыльного Свечина о минировании моста через Ушайку на пути кортежа. Жандармы сработали очень быстро – сначала были арестованы все предполагаемые виновники несостоявшегося теракта, после чего при привлечении сотрудников Томского

---

<sup>120</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 60. Л. 4, 9об., 11.

<sup>121</sup> Там же. Л. 10.

<sup>122</sup> Там же. Л. 8–9.

<sup>123</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.

<sup>124</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 120–121.



университета была проведена экспертиза. С ее помощью было установлено, что бомба на самом деле является муляжом, подложенным Свечиным.

Тем не менее, с этого момента начался негласный надзор за известной в Томске фигурой – П. И. Макушиным, изначально подозревавшимся в подготовке теракта. Сам же цесаревич о развернувшемся расследовании не знал и в целом составил хорошее впечатление от визита в город.

Этот случай показателен тем, что обозначает проблему ссылки в регионе. Ссылочный контингент в губернии был представлен крайне пестро – в него входили «каракозовцы, представители процесса 193-х и 50-ти, лавристы, бунтари, землевольцы и прочие – вплоть до последних народовольцев...»<sup>125</sup>. Помимо этого, с 1890-х годов проявилось такое явление как массовая марксистская ссылка в регион, что в свою очередь начало оказывать влияние на политическое сознание рабочих. Наиболее известными сосланными сюда марксистами были П. Шатько, М. И. Бруснев, Д. Странден, П. А. Красиков, Л. Н. Скорняков, Э. А. Абрамович и др.<sup>126</sup>. Как следствие, революционные идеи глубоко проникли в сознание местной интеллигенции. Интересным примером, подтверждающим это, является деятельность А. А. Аргунова, успешно учившегося в Томске и позднее участвовавшего в создании партии социалистов-революционеров (эсеров). Также большую роль в популяризации социализма и марксизма играла учащаяся университетская молодежь. Любопытно, что после арестов и высылки в другие города, студенты с еще большим рвением приступали к пропаганде, фактически, меры, предпринимаемые сотрудниками политического сыска губернии, имели обратный эффект<sup>127</sup>.

В целом же, как за ссылочными, так и за просто подозрительными гражданами мог устанавливаться негласный надзор. Средняя цифра поднадзорных по губернии колебалась в районе нескольких десятков человек (в 1893 – 47 человек<sup>128</sup>, в 1895 – 63<sup>129</sup>, в 1896 – 62<sup>130</sup>, в 1898 – 65<sup>131</sup>). Постепенно это число возрастало – влияло постепенное распространение революционных идей в городской среде и радикализация населения. Так, на конец 1902 г. под надзором уже состояло 96 человек<sup>132</sup>.

Таким образом, возможно утверждать, что руководство политической полиции регионе осознавало проблемность сложившейся ситуации. В связи с аналогичной ситуацией

---

<sup>125</sup> Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук. Кемерово, 2005. С. 135.

<sup>126</sup> Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 58.

<sup>127</sup> Там же.

<sup>128</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 15. Л. 53–57об.

<sup>129</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 17. Л. 20.

<sup>130</sup> Там же. Л. 59б.

<sup>131</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–6.

<sup>132</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 74. Л. 15–21 об.

по стране в целом, Департаментом полиции был принят ряд мер для пресечения «революционного брожения», как в других регионах, так и в Томской губернии в частности. В итоге, в 1903 г. было создано Томское охранное отделение, подобные которому должны были открываться в местах с наиболее выраженным революционным брожением среди населения. Численность его составила 133 человека<sup>133</sup>, что в масштабах губернии было крайне недостаточно.

Структура отделения была такова – возглавлялось оно офицером-жандармом, включало в себя отделы наружного и внутреннего наблюдения, а также канцелярию для общего руководства. Относительно жандармского управления у охранного отделения существовало формально ему подчинение. Фактически же, при создании структуры, все функции политического сыска перешли ей от жандармского управления. Кадровый состав отделения на момент создания был крайне мал – кроме заведующего агентурой был также один письмоводитель и семь филеров. Сама же структура просуществовала до 1914 года (будучи реорганизованной в 1912 г. в Западно-Сибирское районное охранное отделение), когда в ходе преобразований В. Ф. Джунковского она была упразднена.

Перейдем к обзору практической деятельности обеих структур. Одной из самых успешных акций сотрудников Томского губернского жандармского управления был разгром типографии эсеров. Получив сведения от секретных сотрудников, жандармерия произвела блестящее задержание, все виновники были пойманы с поличным, был также изъят архив отпечатанной газеты и вся переписка с другими типографиями по стране. Но обвинением же задержанным было вынесено устройство типографии без разрешения (!), а не антиправительственная деятельность<sup>134</sup>. Кроме того, не были использованы сведения, полученные при аресте и обыске для выявления и уничтожения других ячеек.

Действительно, очень часто сведения, получаемые сотрудниками управления, оказывались неверными или ими не успевали оперативно воспользоваться. Так, в одном только феврале 1895 года было инициировано три обыска в городе – все неудачные<sup>135</sup>. Источник не позволяет установить точную причину провалов – была это дезинформация или хозяева успели избавиться от компрометирующих улик – в любом случае это говорит не в пользу управления.

---

<sup>133</sup> Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук. Кемерово, 2005. С. 51.

<sup>134</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 74.

<sup>135</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 20. Л. 20–22.

Показательна и другая ситуация. Так, 14 марта 1902 г. студентами Томского университета была назначена антиправительственная сходка. Однако о ее проведении жандармы узнали только 25-го<sup>136</sup>.

Студенчество уже давно привлекало внимание жандармов, которые присматривались к университету как к «рассаднику революционных идей». Об этом в частности свидетельствует переписка жандармских чинов об интервью профессора юридического факультета Томского университета М. А. Рейснера на страницах газеты «Сибирская жизнь» по поводу его недавней поездки за границу и о его впечатлениях от нее<sup>137</sup>. В переписке высказывались опасения по поводу реакции студенчества на откровения профессора в газете и предлагались возможные меры пресечения.

Само же студенческое сообщество активно реагировало на внутривластные события в стране. Так, в Томске в студенческой забастовке 1899 г. (послужившей поддержкой на аналогичную в Санкт-Петербурге) участвовало 329 из 380 студентов университета<sup>138</sup>. Все это требовало срочных мер. В связи с этим было налажено взаимодействие с другими губернскими управлениями, в том числе и из западных, центральных и южных губерний. В частности, производился обмен списками отчисленных студентов, которые считались потенциально наиболее пригодными для распространения революционной пропаганды, между Новороссийском, Киевом, Томском и другими городами. Например, томским управлением были получены сведения, что студентка Скалепова, отчисленная в Санкт-Петербурге за распространение марксистских идей, прибыла в Томск<sup>139</sup>.

На фоне все усиливающихся волнений показательное дело священника Тупикина. 13 августа 1900 г., в честь тезоименитства императрицы Александры Федоровны, он должен был отслужить молебен. Однако из-за отсутствия необходимого числа присутствующих в церкви молебен был отменен. По словам священника, молебен не состоялся потому что: «Служить не для кого» и «нет народу»<sup>140</sup>. Этим воспользовался сельский писарь Федоров, у которого был конфликт с Тупикиным, и донес на него в жандармское управление. Тем не менее, сотрудники провели расследование и установили, что у священника действительно были причины не служить молебен, а у Федорова был мотив его же оклеветать. В связи этим

---

<sup>136</sup> Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук. Кемерово, 2005. С. 141.

<sup>137</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. Л. 7–9.

<sup>138</sup> Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук. Кемерово, 2005. С. 139.

<sup>139</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 87. Л. 43.

<sup>140</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–5.

никаких обвинений Тупикину предъявлено не было, а Федоров в итоге был уволен<sup>141</sup>. С одной стороны, дело было оперативно и объективно расследовано, с другой – к жандармскому управлению возникает вопрос о целесообразности привлечения такого внимания к не самому социально опасному делу на фоне все увеличивающегося роста революционных настроений.

С 1903 г. в городе постепенно начали нарастать волнения. Так 18 апреля 1903 года в Томске произошла демонстрация, основными лозунгами которой были «Долой самодержавие! Ура!» и «Долой царя, да здравствует свобода!». Полицейские сотрудники отреагировали быстро, выступления были подавлены, составлены списки студентов, объявленных зачинщиками беспорядков – около 49 человек. Все они были подвергнуты тем или иным дисциплинарным взысканиям.

Накануне революционных событий жандармское управление пыталось бороться с революционной крамолой. На протяжении 1904 г. подозрительные и неблагонадежные элементы подвергались допросам, около 70 человек были привлечены к дознанию как обвиняемые по результатам обысков. Тогда же была разгромлена типография, созданная студентами Томского университета<sup>142</sup>.

С началом революции 1905–1907 гг. управление пыталось предпринять какие-то меры для поддержания порядка на вверенной территории. Так, в январе-феврале 1905 г. был инициирован ряд арестов среди населения по обвинению в революционной агитации. Показательно, что агитаторы уже проникли к тому времени в воинскую среду<sup>143</sup>.

В плане использования секретных сотрудников и осведомителей Томск серьезно отставал от проводимой Департаментом полиции политики. Так, массовая вербовка агентов началась только после революции, при этом использовалась любая возможность хоть как-то расширить их штат. Показателен пример вербовки ротмистром Климовым секретного сотрудника под кодовым именем «Алмазинский». Как писал Климов в рапорте: «Оставил мысли о преступной деятельности, крайне нуждается в материальных средствах... у меня возникла мысль сделать его секретным своим сотрудником»<sup>144</sup>.

Подведем итоги. Основной структурой, занимавшейся политическим сыском в Томской губернии, было одноименное жандармское управление. Его полномочия изначально были ограничены нормативными установками, типичными для такого учреждения по стране. Помимо этого, управление испытывало сложности из-за ограниченного кадрового состава и неудобной системы соподчиненности. Свой отпечаток также накладывал и местный

---

<sup>141</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.

<sup>142</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 312. Л. 19–21.

<sup>143</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.

<sup>144</sup> ГАТО Ф. 434. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–3.

контингент, с которым сотрудникам управления приходилось работать. Представлен он был крайне широким спектром ссыльных, что дополнительно усложняло сыскную работу. Наконец, непосредственно практическая подготовка кадров управления также не отвечала вызовам того времени, что выражалось в невозможности адекватно использовать получаемые агентурные сведения в полевой работе. Постепенно работа ведомства оптимизировалась, но все равно она не могла адекватно реагировать на все возрастающую революционную волну в губернии. В отношении Томского охранного отделения, созданного в 1903 г., возможно утверждать, что оно действовало гораздо успешнее. Так, с марта 1904 г. по март 1905 г. им было ликвидировано четыре типографии. Однако из-за своего позднего создания и конфликта с жандармским управлением, заложенным на самом высоком уровне, оно также не могло использовать свой функционал в полную силу. Таким образом, обе структуры не могли максимально эффективно выполнять задачи, поставленные перед ними, что является подтверждением проблем в целом, испытываемых службами политической полиции Российской империи.

## Глава 2 Органы политической полиции в контексте революции 1905–1907 гг.

### 2.1 Центральные органы политического сыска в 1905–1907 гг.

Внутриполитические проблемы страны, накапливавшиеся еще с конца прошлого века, вышли, наконец, проявились в полной мере. Антиправительственные выступления начались внезапно, как для властей, так и для полицейских органов. Изначально мирная демонстрация рабочих 9 января в столице (по поводу увольнений рабочих на Путиловском заводе) неожиданно переросла в кровавые столкновения, послуживших сигналом для аналогичных акций. Далее события развивались стремительно – по всей стране прокатилась волна стачек, по некоторым оценкам бастовало более двух миллионов рабочих<sup>145</sup>. В мае началась всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске, в июне – восстание на броненосце «Потемкине», в октябре – всеобщая октябрьская политическая стачка (в ходе которой Николаю II поступило предложение от кайзера Вильгельма получить убежище в Германии), и наконец, как апофеоз – вооруженное восстание в Москве со 2 по 19 декабря 1905 года.

Все выступления сопровождалось террористическими акциями и жертвами со стороны мирного населения. Обращаясь непосредственно к социальному составу убитых, можно наблюдать следующую картину – только за 1905 год было убито 8 генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, 5 вице-губернаторов и советников губернских правлений, 21 полицмейстер, уездных начальников и исправников, 55 жандармских нижних чинов, 79 приставов, 125 околоточных надзирателей, 257 стражников, 346 городских и т.д. – итого 1273 человека<sup>146</sup>. Что же касается общей численности пострадавших в ходе революционных событий, то: «За один год, начиная с октября 1905-го, в стране было убито и ранено 3611 государственных чиновников... К концу 1907 года число государственных чиновников, убитых или покалеченных террористами, достигло почти 4 500. Если прибавить к этому 2 180 убитых и 2 530 раненых частных лиц, то общее число жертв в 1905 – 1907 годах составляет более 9 000 человек... Подробная полицейская статистика показывает, что, несмотря на общий спад революционных беспорядков к концу 1907 года (года, в течение которого, по некоторым данным, на счету террористов было в среднем 18 ежедневных жертв), количество убийств оставалось почти таким же, как в разгар революционной анархии в 1905 году...»<sup>147</sup>.

<sup>145</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 19. С. 379.

<sup>146</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. С. 249-250.

<sup>147</sup> Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 32.

Как итог, кадровое чиновничество (в том числе и полицейское) понесло значительные потери. В некотором роде этому обязан П. А. Столыпин, совершивший головокружительный взлет от должности Саратовского губернатора до министра внутренних дел – оба его предшественника на этом посту были убиты террористами.

Кроме того, отсюда видно, что число погибших гражданских лиц и чиновников в принципе сопоставимо – 4500 против 4710 раненных и убитых. Революционеры окончательно перестали быть разборчивы в достижении своих целей. Происходил отказ от индивидуального террора в пользу массового – для нанесения максимального урона и эффективности совершаемых акций. Тем не менее, все это находило идеологическое оправдание в текстах эсеров. Так Л. Э. Шишко писал Ж. Жоресу, который призывал русских товарищей отказаться от террора и перейти к более мирным формам протеста<sup>148</sup>, следующее: «Террористические акты в такой же мере вопрос политической необходимости, как и дело непосредственного чувства. Не все люди, на глазах которых совершаются безнаказанно убийства и истязания, способны выносить эти ужасы. Есть такая степень поругания всех человеческих чувств, при которой нормальная жизнь для таких людей становится невозможной. Тогда они находят для себя разрешение своего мучительного состояния в героическом поступке. Таковы были Балмашев, Каляев, Гершуни, Фрумкина, Конопляникова, Рагозинникова... <...> Не социалисты-революционеры ищут насильственных средств: им объявлена истребительная война со стороны представителей голого насилия»<sup>149</sup>. Аналогичный мотив был и у Боевой Группы эсеров – одних из самых результативных террористических группировок революционеров того времени: «Мы слагаем ответственность за все ужасы этой борьбы на правительство, которое вынудило нас ступить на этот путь»<sup>150</sup>. Даже В.И. Ленин поначалу выступал за повсеместное использование террора, правда, в стратегических целях – для скорейшего падения режима<sup>151</sup>.

По сути, была развязана полноценная информационная война против правительства, характерным примером здесь являлась политика РСДРП, которая возложила ответственность за Кровавое воскресенье на «зубатовщину»<sup>152</sup>, уже к тому времени полностью свернутую властями. Таким образом, обвинение властей во всех грехах стало своеобразным модным трендом, полицейские службы же, как один из проводников воли правительства, это затронуло сильнее прочих. Подобные идеи пользовались огромной популярностью в среде

---

<sup>148</sup> Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 247.

<sup>149</sup> Там же. С. 245, 246–247.

<sup>150</sup> Там же. С. 187.

<sup>151</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1960. Т. 11. С. 339–343.

<sup>152</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 9. С. 174.

интеллигенции. Ее убежденность в абсолютной преступности и бесчеловечности власти была тотальной.

Сам по себе собирательный образ царского чиновника создавался задолго до событий революции 1905–1907 гг., но именно тогда произошла его полная демонизация<sup>153</sup>. Параллельно этому невиданную популярность обрела фраза «Цель оправдывает средства». Во имя построения нового, по мнению революционеров, лучшего общества, возможно было принести в жертву любое количество человеческих жизней<sup>154</sup>. Из-за этого террористы окончательно перестали проводить разницу между обычными чиновниками и теми, на кого изначально должен был быть нацелен террор – губернаторы, полицмейстеры, жандармы и т.д. – главной же задачей было ниспровергнуть старые порядки, для этого хорош любой вид террора. «Цареубийство, как и террористическая деятельность вообще, было только одной из необходимых подробностей этих великих замыслов»<sup>155</sup> – одна из их традиционных идеологических установок того времени.

Что касается общества, то его взгляды закономерно были устремлены на власть и правительство в целом, и на правоохранительные органы в частности, призванные защищать как режим, так и простой люд от террористического произвола. Однако их состояние в свое время очень точно описал Б. В. Савинков: «Страх стал царить во дворце, как он царил после 1-го марта, страх плохой советник. В те двери, куда он вошел, следом стучится смерть. И в Петергофе началась агония»<sup>156</sup>. За савинковским пафосом действительно наличествует имевшее тогда место быть явление – власти были деморализованы поднявшейся волной террора. Это ясно прослеживается в их первых действиях – попытках остановить катящуюся волну выступлений по стране. Начались кадровые перестановки, своего места лишился директор Департамента полиции А. А. Лопухин. Стоит отметить, что вообще за период с марта 1905 по июнь 1906 г. один за другим пост директора Департамента занимали пять человек:

1. А. А. Лопухин (1902 – март 1905);
2. С. Г. Коваленский (март 1905 – июнь 1905);
3. Н. П. Гарин (июнь 1905 – ноябрь 1905);
4. Э. И. Вуич (ноябрь 1905 – июнь 1906);
5. М. И. Трусевич (июнь 1906 – март 1909).

---

<sup>153</sup> Леонов М.И. Террор и смута в Российской Империи начала XX века. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. – №5. – С. 178.

<sup>154</sup> Там же. С. 77, 91.

<sup>155</sup> Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 173.

<sup>156</sup> Там же. С. 247.



Очевидно, что столь скорые назначения, переводы и увольнения лишь привносили дополнительную сумятицу в и так расшатанный полицейский аппарат. В наиболее насыщенный революционными выступлениями 1905 год это особенно заметно – сменилось четыре человека – однозначно можно утверждать, что власти были растеряны перед лицом революции.

В аналогичном состоянии находились и полицейские отделения. Революционеры действовали дерзко, и правоохранительным службам нечего было противопоставить им в первое время. В частности, свидетельствует неудачный теракт в Московском охранном отделении<sup>157</sup>. Часовой механизм бомбы, оставленной в здании, дал осечку. Однако сам факт того, что отделение, под руководством его бывшего директора С. В. Зубатова ставшее лучшим в стране, едва не было беспрепятственно уничтожено, однозначно свидетельствует об упадке полицейской системы.

Другим примером может послужить взрыв в городе Нежин – здесь эсерам удалось добиться цели. Как описывали впоследствии настроения, царящие в городе: «Местное общество терроризировано, власти, отчасти растеряны и угнетены, полицейские чины хотят бросить службу»<sup>158</sup>. Схожая ситуация была и в Варшаве, где: «произведен был ряд нападений на чинов полиции и жандармов, а также на охранявших полицейские посты нижних воинских чинов, причем нападения эти сопровождалась убийствами и нанесением ран»<sup>159</sup>. В целом стоит отметить, что революционный террор 1905–1907 гг. характеризовался высокой степенью организованности и подготовки его участников. Так, был создан целый ряд школ для обучения будущих террористов. Основной упор делался на стрельбы и изготовление бомб. При этом действовали подобные заведения не только на территории страны, но и за границей<sup>160</sup>.

Главной проблемой была неготовность полицейских чинов к разразившейся революционной буре. Здесь показательна «Записка о проблемах работы Минского Жандармского Управления». Отраженная здесь некомпетентность: «...подполковник Столица совершенно не знаком с приемами разработки агентурных данных» и халатность руководителя отделения: «копию дневника этого наблюдения за 5 дней подполковник

---

<sup>157</sup> Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. М., 2006. С. 74–75.

<sup>158</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. С. 220.

<sup>159</sup> Там же. С. 233.

<sup>160</sup> Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 354.

Столица представил в Департамент Полиции в сыром виде, без освещения на месте...»<sup>161</sup> – вот один из примеров попустительства, из которого в течение революции произрастал терроризм. Что характерно, после этой записки ситуация не изменилась, что подтверждают документы о покушении на губернатора Минска – генерала Курлова<sup>162</sup> в 1906 году. Неизвестный бросил бомбу в градоначальника и тот не пострадал только благодаря случайности – механизм бомбы дал осечку. Тем не менее, террористы тут же попытались застрелить генерала, но снова неудачно, однако были ранены гражданские лица. Это и стало отличительной чертой террора начала XX века – попавшие под пули террористов гражданские стали считаться необходимой жертвой для на пути свержения самодержавия.

Не только халатность сотрудников полиции играла свою роль в возникающих погромах, но и их безразличие. Здесь показательны события в Киеве – как докладывал вице-губернатор Рафальский: «Повсеместный открытый грабеж еврейских магазинов, изредка встречаются чины полиции безучастные и равнодушные к происходящему»<sup>163</sup>. Аналогичные события происходили и в других городах, так в Томске обычным явлением был грабеж спиртных магазинов<sup>164</sup>.

Очень часто полиция и не успевала среагировать – так например, после манифеста 17 октября 1905 года в Казани городская дума просто прекратила финансирование полиции. Вместо нее была создана народная милиция из числа студентов и членов нелегальных партий. Аналогичная ситуация была в Томске – полицмейстер был удален, и вслед за этим городская дума незамедлительно организовала свою милицию. В обоих случаях все кончилось кровавыми погромами, сопряженными с жертвами из местного населения.

Революционеры же активно использовали сложившуюся ситуацию и усилили свой натиск. Действовавшая еще с дореволюционных времен Боевая Группа эсеров организовала ряд громких покушений на государственных лиц разного ранга. Были убиты Н.П. Боголепов, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, В.В. Сахаров, П.П. Шувалов, Н.И. Бобриков, великий князь Сергей Александрович и многие другие. Разумеется, полицией были предприняты все меры, чтобы привлечь группу к ответственности – как итог, ее лидер – Г. Гершуни – оказался на скамье подсудимых. Новым лидером стал Е. Ф. Азеф, о личности которого до сих пор ведутся дискуссии. После определенной реструктуризации и обновления, организация по его руководством и совершила свои главные покушения (В. К. Плеве и великий князь Сергей Александрович), чем нанесла колоссальный ущерб престижу власти.

---

<sup>161</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. С. 207.

<sup>162</sup> Там же. С. 223, 226–227.

<sup>163</sup> Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 292.

<sup>164</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Л. 42.

Любопытно то, что Азеф был секретным сотрудником полиции еще с 1892 года<sup>165</sup>, и действительно, им были предотвращены покушения на Николая II и некоторых других высших сановников государства и выданы несколько террористических ячеек полиции. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, курировавший деятельность Азефа в 1906 г., так оценивал его: «Заслуги Азефа в деле борьбы против революционного террора огромны. И мы должны не ставить ему в вину то, что он не все покушения предупредил, а быть благодарны за то, как много террористических актов он все же расстроил. Таково мое глубокое убеждение и поныне»<sup>166</sup>. Герасимов прежде всего пытался выставить деятельность Азефа меньшим злом, принесшим тем не менее немало пользы для режима (его позиция как куратора провокатора легко объяснима). Однако властям была гораздо ближе другая точка зрения, очень точно описанная А. И. Спиридовичем: «Азеф – это беспринципный и корыстолюбивый эгоист, работавший на пользу иногда правительства, иногда революции; изменявший и одной и другой стороне, в зависимости от момента и личной пользы; действовавший не только как осведомитель правительства, но и как провокатор в действительном значении этого слова, то есть самолично учинявший преступления и выдававший их затем частично правительству, корысти ради»<sup>167</sup>.

Таким образом, на примере Е. Ф. Азефа можно обозначить своеобразный парадокс – полиция была готова использовать агентов-провокаторов для достижения своих целей, но с другой стороны, оказалась открыта для таких же агентов с другой стороны, что и доказал Азеф. Понимая это, руководство Департамента полиции разослало особый циркуляр, в котором подчеркнуло следующий момент: «секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься созданием “провокаторством”, т.е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом второстепенные роли, или даже совершенно неповинных». Если же случай был исключительным, и у сотрудника не было выбора, то он все равно должен был «испрашивать разрешение лица, руководящего агентурой»<sup>168</sup>.

Постепенно правоохранительным органам удалось адаптироваться к изменившимся реалиям. Своеобразный лозунг, которым руководствовались органы политического сыска в

---

<sup>165</sup> Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906-1911. М., 1991. С. 188–207.

<sup>166</sup> Перегудова З.И. «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. Т.2. М., 2004. С. 288.

<sup>167</sup> Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 153–154.

<sup>168</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. С. 256.

то время – «организованным революционерам должен быть противопоставлен организованный розыск»<sup>169</sup>.

Для контроля за развитием и деятельностью революционных партий всем управлениям и отделениям был разослан особый циркуляр<sup>170</sup>, предписывающий два раза в год высылать специальные отчеты по упомянутым темам. Отчеты составлялись по регионам, подконтрольным данному управлению. В них необходимо было отметить:

- партии, находящиеся на указанной территории,
- полученные ими указания,
- опубликованные ими брошюры, издания и прокламации,
- обозначить, какие партия имела сношения с внешним миром и,
- какие меры были предприняты отделениями для пресечения революционной деятельности.

Кроме того, в конце циркуляра шла следующая приписка, обозначающая новые критерии компетентности – «...содержательность и основательность вышеуказанных отчетов будет служить одним из главных оснований для суждения о степени деловой осведомленности местных розыскных органов и дееспособности лиц, стоящих во главе таковых»<sup>171</sup>. Этим Департамент показал, что готов учиться на своих ошибках и впредь будет тщательнее подходить к кадровому вопросу.

Были приняты меры по пресечению революционных брожений – директор Департамента М. И. Трусевич санкционировал набор новых секретных сотрудников в крестьянской среде и войсках, как в самых потенциально опасных слоях и специально для этого выделил дополнительные средства местным отделениям<sup>172</sup>, а также указывал на необходимость полицейской кооперации и совместной работы при ведении розыска<sup>173</sup>. Кроме того, для своевременного обнаружения террористических групп в войсковой и железнодорожной среде Департаментом начато было выделение дополнительных средств для субсидирования теперь уже именно секретных сотрудников<sup>174</sup>.

Существовала также проблема осуждения пойманных террористов. Директор Департамента полиции Э. И. Вуич поднимал этот вопрос в своей записке П. А. Столыпину от 1906 года. Как он писал: «В революционных сферах имеются в обращении даже отдельные руководства о том, как вести себя с точки зрения конспирации, а равно и при допросах.

---

<sup>169</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. С. 239.

<sup>170</sup> Там же. С. 212–215.

<sup>171</sup> Там же. С. 215.

<sup>172</sup> Там же. С. 232.

<sup>173</sup> Там же. С. 238–239.

<sup>174</sup> Там же. С. 237.

Наконец, к услугам революционеров всегда лучшие силы либеральной адвокатуры. ...в настоящее замечается печальное явление: насколько охотно и подробно давались свидетельские показания при старом порядке административного решения дознаний, настолько трудно получить таковые теперь. Причиной этого служит оглашение свидетельских показаний на суде и боязнь свидетелей пострадать от революционеров за свои откровенные уличающие показания»<sup>175</sup>. Здесь свою роль сыграла крайняя непопулярность власти в интеллигентской среде, поэтому образ борцов с режимом романтизировался и героизировался, не смотря на реальное положение дел. В итоге проблема судебного делопроизводства была решена в августе 1906 г. – специальным указом были введены военно-полевые суды. Функцию прокурора на себя брал судья, защитника – сам обвиняемый, приговор теперь выносился в 48 часов. Методы революционеров были, по сути, обращены против них – государство в данном случае санкционировало ответную волну террора. Просуществовали суды до апреля 1907 г.

Предпринимали власти попытки вернуть под контроль организации рабочего движения, созданные С. В. Зубатовым. Изначально предназначавшиеся для поддержки режима и его опоры<sup>176</sup>, они, после увольнения своего создателя, оказались без четкого руководства и целей, чем и воспользовались революционеры. Желая воспользоваться уже имевшимися наработками, правительство С. Ю. Витте пошло на контакт с Г. Гапоном. Тот неоднократно заявлял, что пересмотрел свои взгляды на рабочее движение, признавал свои ошибки и был готов служить на благо страны. Как он писал в своем письме: «Но мало-помалу чад начинал проходить... Густой туман, окутавший было мой ум и мое сердце, начинал рассеиваться... Разум входил в свои права... К концу уже конференции взяло меня сомнение: да хорошо ли я поступаю? куда иду? Принесет ли все это пользу бедному нашему народу?...»<sup>177</sup>.

Отмечал он и готовность отстаивать свои взгляды: «Повидавшись же со своими товарищами рабочими и прикоснувшись непосредственно с русской действительностью, я понял свою грубую ошибку и мужественно, открыто сознался в ней (см. “Наша Жизнь”, интервью), и прежде чем вошел в какие-либо сношения с представителем г. Витте, я мужественно и открыто пошел против вооруженного восстания»<sup>178</sup>.

---

<sup>175</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. С. 231.

<sup>176</sup> Зубатов С.В. К истории зубатовщины // Былое. 1917. – № 1. – С. 86–99.

<sup>177</sup> Гапон. Г.А. Письмо к министру внутренних дел П. Н. Дурново // Красный архив. 1925. № 2 (9). С. 295–297.

<sup>178</sup> Там же. С. 296.

В итоге была предпринята использовать еще один инструмент революционеров против них – было воссоздано Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга, в ноябре 1905 года был проведен первый съезд участников. Однако после декабрьского восстания в Москве правительство сменило курс – рабочие организации снова были дискредитированы и оказались под запретом. Гапон же был готов продолжать сотрудничество, но был убит эсерами.

Шли и структурные изменения внутри Департамента полиции. Так, власти в 1906 году произвели реформирование Особого отдела. Отдел был разделен на две отдельные структуры («А» и «Б»), со своими задачами и руководством. Однако эта реформа была проведена в спешке, было поставлено очень много целей и задач перед отделами, что лишь еще больше запутало тамошнее делопроизводство. Поэтому в январе 1907 г. была проведена новая реформа. Особый отдел теперь делился на четыре делопроизводства. Функции и структура каждого из них закреплялись «Положением об Особом Отделе»<sup>179</sup>. В этот раз изменения проводились тщательнее, и в дальнейшем это поспособствовало стабилизации всей полицейской системы.

Помимо этого, в конце 1906 г. было санкционировано создание районных охранных отделений. Они создавались там, где революционное брожение было выражено ярче, чем где-либо еще, с целью централизовать и направлять сыск и розыск на этой территории. Изначально их действовало восемь, к концу 1907 г. открылись еще два. Не забывали власти и об увеличении числа обычных охранных отделений, к концу того же года по стране их действовало 27, что послужило благодатной почвой для дальнейшего развития местной сети розыска<sup>180</sup>.

Начальникам отделений были предоставлены широчайшие полномочия (которые достаточно часто превышались), и революционные настроения на вверенной им территории шли на спад. Тактика районных охранных отделений оправдала себя, эсеры-террористы были вынуждены уйти в подполье. Изначально они сгоряча попытались разжечь полноценную партизанскую войну в стране<sup>181</sup>, но в итоге были вынуждены отказаться от этого под влиянием новых реалий.

Подводя итоги, можно еще раз подтвердить, что полицейская система страны была не готова противостоять революции. Первые попытки властей выработать новую стратегию провалились, однако с течением времени, методом проб и ошибок им удалось оптимизировать ведение сыска. Помимо кабинетных преобразований (новые методики,

---

<sup>179</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. С. 87.

<sup>180</sup> Там же. С. 120.

<sup>181</sup> Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 234.

структуры) ими были предприняты попытки обратить против революционеров их же методы и инструменты. И если с использованием потенциала рабочего движения правительство потерпело неудачу, то военно-полевые суды были крайне эффективны. Власти дали понять, что не останутся ни перед чем для водворения порядка и стабильности. Революционные выступления пошли на спад, количество терактов сократилось.

Однако принятые меры были частью временными (как военно-полевые суды), частью нуждались в пересмотре и доработке (как реформы Особого отдела), частью были обезврежены революционерами (попытка новой вербовки Г. Гапона), поэтому работа по обновлению полицейского аппарата продолжалась вестись и после спада революционных волнений. Тем не менее, учитывая количество преобразований и скорость их внедрения, необходимо отметить, что власти осознавали несостоятельность системы политической полиции и пытались ее реформировать.

Однако определяющей стала следующая тенденция – в ходе революции 1905–1907 гг. произошла полная дискредитация всей полицейской структуры. От этой репутации Департаменту полиции уже никогда не удастся избавиться, вплоть до 1917 года. Полностью проиграв эту информационную войну революционерам, Департамент полиции больше не мог рассчитывать на повсеместную поддержку населения, что дополнительно осложнило и не без того непростую розыскную работу.

## 2.2 Органы политического сыска Томской губернии в 1905–1907 гг.

Если попытаться описать соотношение развития революционного движения в России и системы политического сыска, то, как писал в 1902 г. заведующий Особым отделом Л. А. Ратаев: «Революция идет вперед, захватывает все более и более обширные слои общества, изобретает новые формы: правительство же пользуется для противодействия ей все теми же старыми способами, пригодными, быть может, лет сто назад»<sup>182</sup>. Конечно, написано это было еще до зубатовской модернизации структуры политической полиции, однако его реформы в большей степени затронули центральные города, чем провинцию. Добавив к этому краткий срок, который был отведен внедрению изменений, а также отсутствие поддержки начинаниям С.В. Зубатова после его отставки, остается констатировать, что глобальных положительных перемен на местах вследствие его реформ не произошло. Были решены сиюминутные проблемы – обновлены методики розыска, создан летучий отряд филеров, действовавший по всей стране, открыты новые подразделения – розыскные пункты – однако структурные проблемы так и не были преодолены. Малая численность кадрового состава и

---

<sup>182</sup> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 66.

проблема соподчиненности по-прежнему продолжали сводить на нет положительные моменты от зубатовских преобразований.

Первые выступления начались еще весной 1903 года, послужив ответом на развернувшийся террор эсеров в центральных городах империи. Обстановка в стране была крайне политизирована, усугубила ситуацию и русско-японская война, обернувшаяся рядом поражений для русской армии и флота. Что касается Томска, то обстановка в городе также начала выходить из-под контроля, в связи с тем что город одновременно являлся как университетским центром, так и местом для ссылки (в рамках губернии).

Первые признаки стабильного массового революционного брожения появились в ноябре 1904 года. Постепенно обычными явлениями становились сходки, публичное чтение прокламаций и воззваний, пение революционных песен и другие действия, постепенно политизирующие обстановку в городе<sup>183</sup>. Сотрудниками жандармского управления после этого обычно начиналось дознание, но никаких мер направленных на задержание на месте участников таких собраний не предпринималось. Впрочем, все действия революционного студенчества пока носили исключительно показательный, декларативный характер, призывы к активным действиям если и звучали, то редко и осторожно.

Ситуация круто изменилась в январе 1905 года. События Кровавого воскресения прогремели по всей стране, дав дополнительный импульс антиправительственному движению. Затронуло это и Томск – спустя несколько дней после расстрела демонстрации в столице был организован аналогично митинг под руководством местной ячейки РСДРП. Именно при его разгоне погибла первая жертва революции 1905–1907 гг. за Уралом – печатник Иосиф Кононов. Здесь можно выявить одну из характерных черт политического сыска губернии того времени – способность с глобальным использованием человеческих ресурсов общей полиции – разгонять митинги и обеспечивать сохранность видимого порядка на улицах. Тем не менее, данная черта носила в большей степени негативный характер в контексте стабилизации обстановки в губернии, так как в процессе урегулирования могли появиться случайные жертвы (как Кононов – ставший впоследствии символом революции 1905 года за Уралом). Кроме того, данные меры устраняли симптомы революционного поражения общества, а не его причину (в контексте деятельности полиции – наличия широкой сети ячеек революционной партии и общего уровня политизированности местного населения).

Подтверждающим примером несовершенства такого рода политики являются нижеприведенные события. Так, 12 января была устроена сходка в помещении железнодорожного управления, где приглашенный Г. Н. Потанин произнес речь по поводу

---

<sup>183</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Л. 3.



Русско-японской войны, идущей в это время, и в целом о революционной обстановке в стране. В конце же последовали ставшими характерными словами «Всякое право нам надо отстаивать силой!». Присутствовавшие при этом очень долго чувствовали оратора, после чего все вместе спели «Марсельезу»<sup>184</sup>. Полицией было начато дознание, однако задержаний проведено так и не было.

Подобная пассивность полиции не была случайной. Совершенно аналогично развивались события в Татьянин день – праздник всех студентов. Студенческие отряды самовольно заняли несколько помещений, где устроила публичные чтения Г. Потанина, выступавшего в своих статьях за повышения уровня автономии Сибири. Тогда же была публично высказана идея блокировки всей линии Сибирской железной дороги – с целью давления на власти. Что касается полицейского участия, то, как было указано в соответствующем отчете, «репрессивных мер не предпринималось»<sup>185</sup>.

Именно данная резолюция стала характерной для политики жандармского управления в первой половине 1905 года – наблюдение за революционными сходками проводилось, однако задержаний и опознаний на месте не предпринималось. Это могло быть обусловлено как слабостью и неподготовленностью личного состава, так и массовостью подобных сходок, в результате чего присутствовавшие полицейские чины оказывались в меньшинстве. Как бы то ни было, отсутствие арестов и задержаний негативно сказывались на обстановке в городе, обозначив неспособность полиции к решению ее базовых задач по поддержанию порядка.

Однако власти города смогли извлечь уроки из январских волнений. Справедливо считая основным возмутителем спокойствия в городе студенчество, им нужен был только повод для расправы с ним. Таковой представился очень скоро – последней каплей стала противоправительственная сходка весной 1905 года, в ходе которой было разорвано несколько портретов императора. Полиция в очередной раз не смогла установить личности участников, однако для совета попечителей университета этого хватило – по его решению он был закрыт<sup>186</sup>.

При этом у революционеров не произошло отказа и от старых инструментов воздействия на общество – в частности, от прокламаций и листовок, расклеиваемых по улицам. Их авторы чутко реагировали на изменения в политике правительства, выпуская по этим случаям новые материалы. Здесь очень быстро инициативу взяло местное отделение РСДРП, печатая и распространяя новые обличительные материалы. Традиционно большевики поставили во главу угла рабочий вопрос, в первую очередь распространяя среди

---

<sup>184</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 146. Л. 15–19.

<sup>185</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Л. 4.

<sup>186</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Л. 9об.

них свои прокламации. Характерный пример – листовка «”О царских милостях” к рабочим Уральской и Сибирской железной дороги»<sup>187</sup>. Очень скоро это стало новой головной болью полицейских частей. Огромный поток все время поставляемых материалов, проблемы с дознанием, огромный бумажный оборот и недостаток личного состава стали постоянными спутниками делопроизводства жандармского управления<sup>188</sup>.

Летом 1905 г. ситуация в городе стала взрывоопасной, волнения от студенчества стали распространяться в сферах рядовых граждан. Чувствуя при этом неспособность властей в целом, и полицейского аппарата в частности, навести порядок, население постепенно выходило из-под контроля. Одной стороной этого явления стали забастовки, стачки, митинги, другой – резко возросший уровень криминала в городе. Характерный пример первого рода событий – начавшаяся в июле забастовка всех служб управления томской железной дороги<sup>189</sup>. Что до бытовых преступлений, то 21 июля казак Изюмов выстрелом ранил управляющего пивной Михайловского<sup>190</sup>, отказавшегося его пустить внутрь. Быстро собравшаяся толпа, воодушевленная этим примером, ворвалась внутрь, учинив погром всего заведения. Прибывшая рота полиции была освистана и оказалась неспособна помешать развернувшимся событиям. Завладев же оставшимися без хозяина спиртными запасами, собравшиеся начали постепенно расходиться, дозволив, наконец, роте заняться раненым. Однако через пару часов народ снова начал стекаться к заведению, прослышав об учиненных событиях. Желая также принять участие в приватизации дармового спиртного, горожане во второй раз разгромили пивную. Однако этим дело не ограничилось – озверевшая толпа начала требовать себе на расправу Михайловского. Когда же охрана попыталась вывести того из здания, то была быстро разогнана, а управляющий растерзан<sup>191</sup>.

Подводя промежуточные итоги, можно утверждать, что все накопившиеся с дореволюционных времен проблемы губернской полиции мгновенно вылились наружу.

Острее всего стояла нужда в финансировании. Это была не только особенность Томского губернского жандармского управления – отовсюду неоднократно в Петербург шли телеграммы с просьбой увеличить бюджет (большая часть расходов и была потрачена как на такие телеграммы, так и для сношения между сотрудниками)<sup>192</sup>. Департамент полиции же наоборот придерживался позиции строжайшей экономии, им был выпущен специальный циркуляр, согласно которому на счетах у жандармских управлений всегда должно было

<sup>187</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 148. Л. 9–10об.

<sup>188</sup> ГАТО. Ф. 411 Оп. 1. Д. 147. Л. 4.

<sup>189</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Л. 44.

<sup>190</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1 Д. 122. Л. 42.

<sup>191</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1 Д. 122. Л. 42.

<sup>192</sup> Там же. Л. 29об.

оставаться не менее 100 рублей к концу месяца<sup>193</sup>. Безусловно, подобное отношение со стороны центра никоим образом не могло обеспечить эффективность розыскных мероприятий. Более того, в свое время для охраны великого князя Сергея Александровича у Департамента полиции было запрошено 30 тыс. рублей, однако деньги выделены не были под предлогом того, что террористы не осмелятся на убийство члена царской фамилии<sup>194</sup>. В итоге И.Каляев беспрепятственно взорвал бомбой князя на выезде из Кремля.

Другим проблемным моментом был малый кадровый состав – несколько раз в центр отправлялись просьбы прикомандировать дополнительных офицеров<sup>195</sup>. Указывалось и на низкую эффективность из-за нехватки рабочих рук, и на все более накалявшуюся обстановку в городе. Однако и эти просьбы остались без ответа, в центре, где террористами буквально велась охота на полицейских сотрудников, каждый человек был на вес золота.

Еще одной проблемой было взаимодействие не только внутри структур политической полиции, но и ее отношения с полицией общей. В дореволюционные времена эта проблема не стояла так остро, теперь же, когда было необходимо проводить массовые задержания, возникла патовая ситуация – политическая полиция располагала сведениями, необходимыми для задержаний и дознания, а общая полиция – необходимым для этого кадровым составом. Однако сотрудничества между структурами налажено не было, более того, между ними началась конкуренция в плане представления заслуг перед высоким начальством<sup>196</sup>. И только разгул революционной стихии к 1906 г. вынудил сотрудников обеих полиций начать действовать вместе.

Что касается самого томского общества, то оно не желало сидеть сложа руки. Всемерный рост террористической активности по стране леворадикальных организаций в свою очередь спровоцировал поворот общества к правым идеям. И здесь Томск может служить самым каноничным примером такой реакции общества. 17 октября 1905 года Николаем II был подписан Манифест об усовершенствовании государственного порядка, в результате чего была разрешена свобода слова, собраний, союзов и объединений. Как только эта информация дошла до Томска, городская дума потребовала от губернатора прекратить финансирование полиции, распустить ее, создать гражданскую милицию, освободить политзаключенных. Полиция, что общая, что политическая, и до этого находившаяся в незавидном положении из-за вспышек революционного насилия, предпочла самоустраниться. Казалось бы, все враждебные революционерам силы в городе выведены из игры. Но не был учтен один фактор – 20 октября была очередная годовщина вступления

---

<sup>193</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1 Д. 122. Л. 29об.

<sup>194</sup> Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 377.

<sup>195</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Л. 4об, Л. 10.

<sup>196</sup> Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 390.

Николая II на престол. Не смотря на развернувшуюся революцию, этот праздник продолжал играть достаточно большую роль в сознании населения, особенно в эпоху повсеместного распространения левых идей. На фоне же принятия Манифеста 17 октября, патриотические и монархические настроения взыграли с новой силой. Масла в огонь подливала начавшаяся 13 октября забастовка служащих управления сибирской железной дороги. Поэтому начавшийся молебен во здравие правящей фамилии очень быстро превратился в избиение студентов и заподозренных в революционных идеях горожан, не без участия членов «Союза русского народа» – черносотенной организации, не принявшей Манифест. Ситуация быстро вышла из-под контроля. Когда же толпа столкнулась с сопротивлением в лице только что сформированной гражданской милиции, то совершенно потеряла голову. В результате столкновения милиционеры отступили в здание управления железной дороги, где как раз в этот день выдавалось жалование служащим. Отстреливаясь оттуда, они окончательно восстановили всех против себя. В итоге здание было подожжено, пытавшихся спастись людей безжалостно убивали. Следующие несколько дней шли массовые погромы еврейских магазинов и домов, озверевшая толпа буквально охотилась на студентов и евреев, считая их виновными в принятии Манифеста. Порядок был восстановлен только с помощью армейских частей<sup>197</sup>. Полицейские части, полностью деморализованные Манифестом, в этом не участвовали. А новому полицмейстеру города – А.П. Явцеву, пришлось целиком посвятить себя возврату разграбленного имущества в результате октябрьских событий<sup>198</sup>.

Таким образом, губернская политическая полиция в Томске имела недостаточное финансирование, малый кадровый состав, вследствие чего не могла производить массовые задержания участников антиправительственных выступлений без содействия со стороны чинов общей полиции, с которыми не было выстроено полноценного сотрудничества. Кроме того, проблемой было адаптироваться под изменяющиеся политические реалии и сохранить организованность под постоянным революционным давлением и прессом.

Что же касается правительства, то только после октябрьских событий 1905 года им был взят курс на модернизацию и усиление губернских отделений политической полиции. Осознав масштабы и угрозу режиму, созданную всероссийской стачкой, Департамент полиции начал действовать. В частности, был наконец-то повышен минимальный оклад жандармских управлений – со 100 до 200 рублей<sup>199</sup>, как следствие, у местных отделений наконец-то появились свободные средства. Тем не менее, хоть эта мера и оказала

---

<sup>197</sup> Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. 150 с.

<sup>198</sup> Ларьков Н.С. Полицейские, комиссары, начальники: Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск, 1999. С. 95–96.

<sup>199</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 122. Л. 74об.

благотворное влияние, вопрос стоял о коренной перестройке всей системы органов политической полиции в губерниях. На этом поприще также был принят ряд мер.

В целях оптимизации розыскной работы Департаментом полиции на места были разосланы специальные циркуляры во все губернии, содержавшие список лиц, необходимых к розыску, а также список параметров, на которые необходимо было ориентироваться. Сюда входило: описание отца и матери, наличие братьев, сестер, а также прочих родственников, характерные приметы, фотографии и дактилоскопические измерения, специализация разыскиваемого и его принадлежность к партии, кем обвиняется и в чем, делопроизводственный номер и, исходя из всего этого – какие конкретно действия следует предпринимать для его поимки<sup>200</sup>. Тогда же на места поступило предписание завести или расширить уже имеющуюся агентуру в железнодорожной среде<sup>201</sup>, как наиболее важной для страны – как показали события 1905 г. – забастовка на железной дороге вполне может парализовать жизнь целой губернии.

Был налажен транзит ценной и важной информации из центра в губернии. Так, из Департамента своевременно поступали сведения о закупке революционерами оружия<sup>202</sup>, о готовящихся забастовках<sup>203</sup>, а также о программных решениях, принятых на съездах эсеров, полученных в результате внедрения туда своих агентов<sup>204</sup>. Кроме того, из центра постоянно шли депеши с требованием удвоить усилия по борьбе с терроризмом<sup>205</sup>.

Своеобразным стимулом было то, что теперь Департамент полиции начал выделять чинам, пострадавшим в результате терактов, субсидии, условия получения которой также были разосланы губернаторам на места<sup>206</sup>. Наконец, вняв призывам центра, разрозненные донные структуры начали работать вместе. И благодаря предпринятым мерам, в розыскной работе перелом намечился летом 1906 года.

Таким примером может послужить задержание 88 человек на сходке Томской ячейки социал-демократической партии. Грамотно использовав полученную информацию о том, что 12 июля будет проведена сходка, полицмейстер с приставом, во главе отряда казаков произвели массовый арест<sup>207</sup>. Тогда же была разгромлена Мариинская ячейка эсеров, было

---

<sup>200</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 169. Л. 5–8.

<sup>201</sup> Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. М., 2006. С. 73–74.

<sup>202</sup> Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.): сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. М., 2001. С. 247.

<sup>203</sup> Там же. С. 235–236.

<sup>204</sup> Там же. С. 245–246.

<sup>205</sup> Там же. С. 232–233.

<sup>206</sup> Там же. С. 239–241.

<sup>207</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 162. Л. 1, 3.

задержано 6 человек<sup>208</sup>, которые занимались публикацией воззваний к народу и составляли для него «списки вредных людей» (в масштабах государства). Призывая не верить этим лицам и бороться с ними<sup>209</sup>, авторы также могли впоследствии использовать их убийства, осуществляемые своими сопартийцами, и выдавать это за проявление народного гнева и неотвратимой расправы. Вскоре была разгромлена ячейка РСДРП в Ново-Николаевске, был проведен также ряд задержаний<sup>210</sup>.

Сотрудникам жандармского управления и охранного отделения приходилось проявлять профессионализм не только в плане розыска, но и дознания. И в этом плане было немало курьезных случаев. Так, 29 июля 1905 года произошла забастовка на железнодорожной станции села Боготол<sup>211</sup>. Стачечники, подбиваемые бывшими здесь агитаторами, потребовали увеличения заработной платы и уменьшения продолжительности рабочего дня<sup>212</sup>. Забастовка продолжалась до 31 июля, однако к этому моменту большинство рабочих станции разочаровались и устали от агитации, в результате чего прямо обратились к ротмистру Маматказину с просьбой удалить агитаторов, в обмен обещая возобновить работу<sup>213</sup>. В итоге командой ротмистра было задержано 15 человек<sup>214</sup>. Тем не менее, специально помещенные для изоляции в вагон возмутители спокойствия и не думали мириться с ситуацией. Один из них, по фамилии Венедиктов, продолжил выкрикивать революционные лозунги и воззвания. На требования ротмистра прекратить это, он в ответ запел «Марсельезу». Тем не менее, офицер не растерялся, проявив смекалку и чувство юмора – созвав нижние чины к вагону, он в ответ велел петь «Боже царя храни»<sup>215</sup>. Венедиктов отчаянно пытался перекричать образовавшийся хор, однако в итоге не выдержав развернувшейся музыкальной баталии, был вынужден сдаться и умолкнуть<sup>216</sup>.

Другой анекдотичный случай произошел весной 1906 года. 8 февраля было возбуждено дознание по революционной сходке на квартире у врача Н.С. Соловьева<sup>217</sup>. Было установлено, что у него дома неоднократно собирались лица, давно бывшие под подозрением в участии в антиправительственной деятельности. Как следствие, Соловьев, как хозяин дома и главный подозреваемый в устроении этих встреч, был арестован. Однако далее дело приняло совсем иной оборот. Выяснилось, что каждый раз, когда Соловьев задерживался на работе, его жена приглашала домой революционеров, которые и устраивали

<sup>208</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 161. Л. 18–28.

<sup>209</sup> Там же. Л. 29.

<sup>210</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 160. Л. 6.

<sup>211</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 144. Л. 1–11.

<sup>212</sup> Там же. Л. 11.

<sup>213</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 144. Л. 12.

<sup>214</sup> Там же. Л. 1.

<sup>215</sup> Там же. Л. 12об.

<sup>216</sup> Там же.

<sup>217</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 163. Л. 36.

сходки дома в связи с отсутствием там хозяина. Расхотелись они до его прихода, и вся эта история для него продолжала оставаться тайной вплоть до ареста. Следствием же было установлено, что Соловьев в революционных взглядах замечен не был, идеям жены не сочувствовал, и, безусловно, осуждал ее безрассудные действия<sup>218</sup>. Что до жены, то она смогла получить разрешение осуществить уход за болевшими детьми<sup>219</sup> и под этим предлогом уехать к матери в Пензенскую губернию<sup>220</sup>. Обманутый же муж еще долго пытался получить разрешение вернуть конфискованную в ходе расследования богатейшую коллекцию холодного восточного оружия. В конце концов, он даже заявил, что готов уехать за границу, как только получит ее назад<sup>221</sup>.

Тем не менее, каким бы житейским не был контекст этих дел, они все же ясно показывают скорость и качество проводившихся тогда расследований. Впрочем, как только доходило до дознания по более масштабным делам, все эти плюсы сходили на минус. Это легко прослеживается на деле по деятельности Томской организации Всероссийского общесеминарского союза. Данная структура, сложившаяся в начале 1905 г., выступала за повышение экономического и социального уровня священников (в целом нося схожий характер с рабочими организациями). При этом в отделениях центральных городов развитие получили и социалистические идеи, очень скоро тамошние подразделения союза политизировали свои требования. В Томске же ситуация была гораздо более запутаннее. В сентябре 1907 г. последовал анонимный донос о том, что в среде семинаристов распространены революционные идеи<sup>222</sup>. Было начато дознание, в ходе которого тут же было выявлено, что весь протест семинаристов проистекает от очень жестких порядков, введенных в семинарии<sup>223</sup>. Была начата проверка кадрового состава священнослужителей, задействованных там, и сбор сведений о личности каждого из семинаристов. При этом оставался подвешенным вопрос об участии в этом Томского отделения союза. В итоге, изначальный мотив дознания отошел на второй план, жандармские чины были буквально завалены бумажной работой, рассылкой телеграмм, сбором справок и выписок и т.д. Дело в итоге оказалось подвешенным до 1909 года, когда уже из столицы, потеряв терпение, начали требовать закончить долгоиграющее расследование<sup>224</sup>. Таким образом, мелкие и одиночные дела губернские структуры могли решать быстро и эффективно, однако если масштаб расследования выходил за эти рамки, то дознание тонуло в бумажном обороте.

---

<sup>218</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 163. Л. 36–36об.

<sup>219</sup> Там же. Л. 33.

<sup>220</sup> Там же. Л. 43.

<sup>221</sup> Там же. Л. 51.

<sup>222</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 179. Л. 1.

<sup>223</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 182. Л. 2об.

<sup>224</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 195. Л.4.

Активно использовался для наведения порядка и административный ресурс. Новый губернатор К.С. Нолькен очень активно пользовался возможностью высылать антиправительственные элементы из города и губернии. Помимо этого, введя в городе в декабре 1905 г. военное положение, он запретил все собрания, митинги и иные мероприятия публичного характера<sup>225</sup>. Военное же положение давало ему возможность использовать право военно-полевого суда, внедренного П.А. Столыпиным<sup>226</sup>.

В итоге, революционные волнения в городе пошли на убыль. С одной стороны, здесь действительно сыграло свою роль реформирование со стороны Департамента полиции, с другой – успешное административное регулирование в самой губернии. Было увеличено финансирование жандармского управления, получены новые инструкции по розыску и дознанию. Кроме того, самой главной причиной спада революционных настроений послужил Томский погром, беспрецедентный в истории города, после которого революционно настроенное студенчество действовало куда осмотрительнее. Также все основные нарушители порядка оперативно высылались из города. Также, в будущем руководством губернского жандармского управления и охранного отделения будет сделана ставка на вербовку нелегальной агентуры и ее повсеместное использование. Секретные агенты использовались в основном для получения информации и перлюстрации писем<sup>227</sup>. При этом к работе активно привлекались и женщины<sup>228</sup>, сам же социальный состав агентов был достаточно типичным – основной приток шел из мещанской<sup>229</sup> и крестьянской<sup>230</sup> среды. Впоследствии агентура была распространена и по другим уездам<sup>231</sup>.

Тем не менее, даже под давлением революции, застарелые проблемы политического сыска решены не были. По-прежнему висела мертвым грузом кадровая проблема, сложившийся было ситуативный союз между общей и политической полицией снова распался, как только затихли революционные выступления. Внутри же самих подразделений Департамента полиции по-прежнему тлел конфликт между охранными отделениями и жандармскими управлениями. В разы выросло количество бумажной работы, на которую в итоге и уходили все силы. Затронувшая центральные города империи дискредитация полицейского аппарата была здесь заметна и здесь – правда, в меньших масштабах, в силу малого кадрового состава жандармского управления.

---

<sup>225</sup> Ларьков Н.С., Чернова И.В. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 112.

<sup>226</sup> Там же. С. 113.

<sup>227</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 406. Л. 1, 3.

<sup>228</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 393. Л. 1.

<sup>229</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 405. Л. 3.

<sup>230</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.

<sup>231</sup> ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 404. Л. 1об.



Таким образом, по окончании революции 1905 года все быстро вернулось на круги своя, так как все вышеописанные меры носили временный и ситуативный характер. Никакой профилактики и коренного изменения политической полиции в губернии не произошло, возможный потенциал для реформирования был упущен, оставив структуры неэффективными и малодейственными в свете грядущих событий, положивших конец существованию Российской империи.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Органы политического сыска Российской империи полноценно были сформированы в 1860-х годах, на фоне все возрастающего недовольства внутренней и внешней политикой Александра II. В 1867 году был начат процесс создания губернских жандармских управлений, ставших до начала XX века основными структурами, занимавшимися политическими делами. Почти одновременно с ними были созданы охранные отделения (но исключительно в самых крупных городах империи, в связи с чем они не могли оказывать большого влияния на политический сыск в империи).

Как таковая, относительно централизованная система политической полиции в империи была сформирована только в 1882 г., когда закончилось законодательное оформление Департамента полиции – центрального органа в стране. Этому предшествовала волна народовольческого террора, жертвами которой стали многие высшие сановники империи и сам император.

В свою очередь, Департамент полиции достаточно успешно осуществлял свои функции как центральный орган политического сыска в стране вплоть до конца XIX века. В целом, благодаря этим мерам, а также тому, что все старые террористические кадры были уничтожены в период правления Александра III. Единственным изменением в его структуре за этот период стало выделение Особого отдела, наиболее прогрессивного подразделения в плане использования новых методик.

Тем не менее, в конце XIX века предпринимались попытки реформировать систему политической полиции в империи. Первая из них принадлежала Г. П. Судейкину, который первым предложил сделать провокацию и секретных сотрудников основным методом борьбы с революционными элементами и основным источником информации о них. Однако лично Судейкин воплотить задуманное не успел – он был убит в 1883 г., почти сразу после вхождения в должность инспектора секретной полиции. Из-за спада террора народовольцев его планы перестали считаться актуальными и были отложены в долгий ящик. Однако последующее развитие внутривластной обстановки в стране дало идеям Судейкина вторую жизнь.

Так, его опыт очень активно использовал С. В. Зубатов, руководя Московским охранным отделением, а впоследствии – и Особым отделом Департамента полиции. Им были внедрены новые методики ведения наблюдения и дознания, создано новое подразделение быстрого реагирования – летучий отряд филеров. Опробованные сначала на Московском отделении, эти меры сразу же дали положительный эффект. Самая же главная преемственность с Судейкиным в его деятельности обнаружилась в попытках перетянуть

максимальное количество революционно настроенной молодежи на сторону правительства. Специально для этого Зубатов изучал лично марксистские труды и призывал к этому своих сотрудников. Им первым была осознана опасность революционной агитации в среде рабочих, и предпринята попытка воплотить в жизнь проект легальных рабочих организаций. Их суть сводилась, с одной стороны, к улучшению условий жизни и труда рабочего класса, с другой – к их идеологической обработке и обеспечения лояльности по отношению к правительству. Определенный прогресс на этом поприще у Зубатова был, однако из-за потенциальной угрозы заигрывания с интересами и ожиданиями рабочих он в итоге был отправлен в отставку.

Как итог, рабочие организации оказались предоставлены сами себе. Часть из них самораспустилась, а другая оказалась под влиянием Г. А. Гапона, который сам называл себя продолжателем дела С. В. Зубатова (той его части, которая касалась улучшения быта рабочих; что же касается идеологической составляющей, то здесь Гапон выступал резко против). Именно Гапон в попытках обратить на положение рабочих внимание властей вывел на улицы сторонников 9 января 1905 года, положив начало одноименной революции. Споры о том, являлся ли Гапон эсеровским агентом, или все произошедшее имело стихийный характер, не утихают до сих пор.

Тем не менее, все методические наработки С. В. Зубатова впоследствии активно использовались. Кроме того, в тот же период директором Департамента полиции А. А. Лопухиным была дана вторая жизнь охранным отделениям, до той поры действовавшим исключительно в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург). После реформ отделения были открыты по всей стране, в том числе и в Томске.

Однако в организационном плане накануне революции 1905–1907 гг. политическая полиция в стране испытывала ряд проблем. Одной из них являлся численное преобладание штата в пользу жандармских управлений по железным дорогам, ставших наиболее массовыми в плане числа сотрудников структурами. С одной стороны, это было оправдано, так как железнодорожная сеть в тот период развивалась стремительными темпами, но с другой – из-за этого серьезно «проседал» кадровый состав губернских управлений.

Если рассматривать сами жандармские управления, то можно утверждать, что они не обладали оптимальным набором характеристик, необходимых для сдерживания революционного напора в стране. Сюда в первую очередь необходимо отнести нерешенные организационные вопросы, в частности – проблему соподчинения министерству внутренних дел и военному министерству. Другой проблемой являлась крайне низкая численность жандармов относительно плотности населения по стране, его численности и общей площади всей территории. Еще одним слабым местом деятельности жандармских управлений

являлось огромное количество функций, исполнявшихся ими помимо профильной задачи. При всем при этом, в полномочия управлений входило только дознание по политическим делам, что крайне сильно ограничивало возможный спектр их действий по отношению к революционным тенденциям в обществе.

Охранные отделения, получившие второе признание в 1900-х годах, действовали весьма эффективно. Именно в них первыми опробовались новые методики ведения расследований (в качестве примера можно привести деятельность Зубатова на посту начальника Московского отделения). Однако достаточно позднее время их возрождения (1902–1903 гг.), небольшой кадровый состав и конфликты с жандармскими управлениями были серьезными препятствиями в осуществлении их деятельности. Касаемо соперничества охранцев и жандармов, стоит отметить, что из-за нечетко разделенных функций (производство розыска в одном случае и разработка его результатов – в другом) постоянно сталкивали структуры между собой. Кроме того, увольнение их идейных создателей и вдохновителей – А. А. Лопухина и С. В. Зубатова – также негативно отразилось на состоянии отделений. Оставшись без поддержки из центра, часть их вошла в состав жандармских управлений, оставшись с нерешенными проблемами.

Эти выводы подтверждаются данными, полученными в ходе изучения органов политического сыска Томской губернии. Они также были представлены обоими видами структур – жандармским управлением и охранным отделением. До 1903 года в губернии действовали только жандармы, при этом они имели все вышеперечисленные проблемы (малый кадровый состав, обилие функций, необходимых для выполнения, вопросы с соподчиненностью и т.д.). Помимо этого сюда можно отнести в принципе слабую подготовку сотрудников управления (пусть и постепенно повышающуюся), неверное акцентирование на политических делах (тщательно расследовались достаточно мелкие дела, что касается крупных – сходов, демонстраций и т.д. – то они большей частью оставались без внимания). Еще одним фактором, затрудняющим работу, был крайне широкий идеологический состав ссыльных, из-за чего было трудно выработать единую линию поведения по отношению к ним. Отдельно стоит отметить отсутствие должного внимания со стороны местных и центральных властей к этой проблеме, что послужило поводом к быстрому распространению революционных течений в студенческой среде города.

В свою очередь, Томское охранное отделение было открыто тогда же, когда и другие по стране – в 1903 году. Небольшое количество сотрудников не являлось для него серьезной проблемой. Однако вопрос о разграничении полномочий, характерный для отделений в других регионах, был актуален и здесь. Не в пользу охранцев играл и факт большего стажа

работы местных жандармов. Тем не менее, деятельность отделения была на порядок успешнее, чем у жандармского управления.

Таким образом, при относительно удовлетворительном состоянии центральных органов сыска аналогичные местные отделения были не в состоянии противостоять надвигающейся революционной буре. Не смотря на постепенное распространение новых методик и расширения сети организаций по стране, политическая полиция оставила режим фактически без защиты, чем и воспользовались революционные элементы в 1905 году.

Начавшиеся в 1905 году выступления застали врасплох что власти, что полицейский аппарат, вынудив их на ходу адаптироваться под быстро изменявшиеся реалии страны. Не сразу, путем проб и ошибок, но Департаменту полиции удалось ликвидировать основные угрозы режиму, уничтожив или обезвредив их. Обратной стороной этого была дискредитация политической полиции в империи, с которой Департамент так ничего и не сумел поделать.

Что касается мер, внедренных Департаментом, то это были как полевые преобразования (новые методики по ведению розыска) так и организационные (новые структуры – районные охранные отделения). Помимо этого, Департамент пытался использовать наработки революционеров против них самих. Была произведена попытка вновь получить контроль над рабочим движением, но она потерпела неудачу. Другой крайне эффективной мерой было обращение террора против революционеров – использование военно-полевых судов, и именно это было решающим аргументом в борьбе с революционной стихией.

Тем не менее, правительство понимало, что корень проблем лежит в неспособности политической полиции предупредить события революции 1905–1907 гг., в связи с чем по ее окончанию началась серия коренных реформ и преобразований в нем. Однако это в первую очередь касалось центральных городов империи, в провинции дела развивались совершенно по другому сценарию.

Томск буквально с первых дней революции оказался погружен в нее. Студенчество и наличие большого числа политических ссыльных сыграли роль катализатора, сделав забастовки и стачки обычным явлением в городе. Политическая полиция губернии оказалась полностью не готова к этому, в результате чего до октября 1905 г. антиправительственные силы вели наступление в городе. Точка перелома наступила во время Томского погрома, обозначившего поворот населения к радикальным правым идеям. Тем не менее, не смотря на резкий спад революционных настроений после погрома, политическая полиция губернии не сразу смогла оправиться от полученного урона. В связи с этим первоначальную борьбу с революцией возглавила административная власть.

Только с 1906 года, под влиянием преобразований центра и шока от кровавых событий в Томске, губернские подразделения Департамента полиции возвратились на сцену. Благодаря необходимому минимуму реформ (увеличение финансирования и новой методике расследования), а также при поддержке губернатора, протестный потенциал в городе удалось ликвидировать. Однако все застарелые проблемы губернского жандармского управления (остававшейся по-прежнему основной структурой в отслеживании политического порядка в губернии) по-прежнему оставались не решенными, что продолжало и в дальнейшем сказываться на эффективности ведения розыска. Таковым было последствие избранной политики Департамента полиции – в первую очередь укреплять центр империи, а не ее периферию. В связи с этим революционеры продолжали иметь канал для воздействия на обстановку в городе – ссылку, а студенчество по-прежнему оставалось восприимчиво к антиправительственной пропаганде, у местной политической полиции не было сил и ресурсов, чтобы пресечь это. Таким образом, возможный модернизационный потенциал, возникший под влиянием событий революции 1905 года, для реформирования политической полиции в империи в полной мере использован не был.

Таким образом, можно утверждать, что все поставленные задачи были решены. Следующая модернизация органов политического сыска Российской империи была предпринята В.Ф. Джунковским – крайне неоднозначной личностью в отечественной историографии. В связи с этим, дальнейшей перспективой исследования может являться изучение преобразований в системе политической полиции страны на примере обзоревавшихся в данной работе структур Томской губернии накануне Первой Мировой войны, чтобы установить, были ли извлечены уроки царским правительством из революционной ситуации 1905–1907 гг.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### Источники

#### *Законодательные акты*

1. «Положение о начальниках розыскных отделений» // Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. – М.: АИРО-XXI, 2006. – С. 43–45.
2. «Положение об устройстве секретной полиции в империи» // Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 377.
3. Отдельный корпус жандармов. Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. – Казань: К. Козьмин, 1899. – 16 с.
4. Положение о корпусе жандармов [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: библиотека Пашкова (дата обращения 07.05.2018). URL: <http://constitutions.ru/?p=7632>
5. Указ «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог» // Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 115.

#### *Делопроизводственная документация*

6. «Инструкции филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений» // Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. – М.: РИПОЛ классик, 2008 – С. 376.
7. «Инструкция инспектору секретной полиции» // Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. – М.: АИРО-XXI, 2006. – С. 14–16.
8. «Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» // Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. – М.: АИРО-XXI, 2006. – С. 115–120.
9. «Инструкция по организации и ведению внутреннего агентурного наблюдения» // Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России];

составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. – М.: АИРО-XXI, 2006. – С. 95–106.

10. «Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения» // Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. – М., АИРО-XXI, 2006. – С. 120–140.

11. Дознание о демонстрации в городе Томске 18 апреля 1903 года, сведения о лицах, принимавших в ней участие // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 7–13. (1903–1904).

12. Дознание о забастовке на станции Боготол 29 июля 1905 года // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 1–12. (1905).

13. Дознание о лицах, обвиняемых в оскорблении личности царя // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 27–34. (1899).

14. Дознание о лицах, участвовавших в сходке на квартире врача Соловьева Н. С. 8 февраля – 26 июля 1906 г. // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 33, 36, 43, 51. (1906).

15. Дознание о разбрасывании неизвестными лицами прокламаций по городу Томску. 23 марта – 4 мая 1905 г. // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 9–10. (1905).

16. Дознание о сходке в помещении железнодорожного собрания 12 января 1905 г. // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 146. – Л. 15–19. (1905).

17. Дознание о сходке членов Томской социал-демократической партии 12 июля 1906 года // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 1, 3. (1906).

18. Дознание по делу Мариинской группы социал-революционеров // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 18–29. (1906).

19. Дознание по делу обнаружения тайной типографии у студентов Томского государственного университета Писарева И., Волковых и других // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 312. – Л. 19–21. (1904).

20. Дознание по делу Обской группы РСДРП в г. Н.-Николаевск // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 160. – Л. 6. (1906).

21. Дознание по делу Томской организации Всероссийского общесеминарского союза 28 сент 1907–17 мая 1908 // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 1. (1907–1908).



22. Дознание по делу Томской организации Всероссийского общесеминарского союза и послужные списки священников Томской губернии 1907–15 фев. 1908 // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 182. – Л. 2. (1907–1908).
23. Донесения и переписка с Департаментом полиции, губернскими жандармскими управлениями и другими об обысках, арестах, следствиях // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 20–22. (1901).
24. О секретном сотруднике Александре Петрове Сыромятникове по кл. «Профессионал» // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 405. – Л. 3. (1913).
25. О секретном сотруднике Ксении Васильевне Домополовой по кл. Сидорова // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 393. – Л. 1. (1910).
26. О секретном сотруднике Николае Ефимовиче Стафиеском. (Седой) // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 1. (1915).
27. О секретном сотруднике Николае Ивановиче Трудолюбове по кл. «Новый» // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 406. – Л. 1, 3. (1916).
28. О секретном сотруднике Семене Николаевиче Чумакове по кл. «Цеховой» // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 408. – Л. 1. (1911).
29. Объяснительные записки о причинах медленного расследования дела о Томской организации Всероссийского общесеминарского союза (26 февраля–5 марта 1909 г.) // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 195. – Л. 4. (1909).
30. Отдельный корпус жандармов. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. – СПб.: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., 1912. – 789 с.
31. Переписка о секретных сотрудниках жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги. 1912 год // Государственный архив Томской области. – Ф. 434. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 2–3. (1912).
32. Переписка с Департаментом полиции, Томским губернатором, Омским жандармским управлением и другими о деятельности Сибирского социал-демократического союза, о появлении листовок в Томске, студенческих волнениях и других вопросах // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 16–19. (1902–1903).
33. Переписка с Департаментом полиции, томской гимназией, томским полицмейстером и др. о лицах, обвиняемых в высказываниях против существующего строя, оскорблении личности царя и прочих преступлениях (21 янв – 19 дек. 1894) // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 4–8. (1894).
34. Переписка с Катайгинским сельским старостой о священнике Тупикине С., отказавшимся служить молебен в честь императрицы // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 1–5. (1900).

35. Переписка с Томским губернатором, Енисейским жандармским управлением, Томским университетом о студенческих волнениях // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 43. (1901).

36. Политические обзоры Томской губернии и отчеты о деятельности чинов жандармского управления за 1894–1896 годы // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 20, 59. (1894–1896).

37. Предписание Департамента полиции начальникам жандармско-полицейских управлений железных дорог об организации внутренней агентуры в среде железнодорожных служащих // Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. – М.: АИРО-XXI, 2006. – С. 73–74.

38. Приказы Томского губернского жандармского управления // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 4, 9об., 11. (1900–1902).

39. Списки, сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции за 1897–1898 // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 1–6. (1897–1898).

40. Списки, сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции за 1901–1902 // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 15–21. (1901–1902).

41. Списки, сведения, ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции за 1893–1894 годы // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 53–57. (1893–1894).

42. Уведомление Департамента полиции начальникам жандармско-полицейских управлений железных дорог в связи с подготовкой к всеобщей железнодорожной забастовки // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.) : сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. – М.: АИРО-XXI, 2001. – С. 235–236.

43. Уведомления Томского окружного суда по делам лиц, обвиняемых в печатании, хранении и распространении литературы, пении революционных песен и пр. 25 янв. – 20 сент. 1905 г. // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 4. (1905).

44. Финансовый отчет секретных расходов за период с 17 июля 1904 г. по 17 дек. 1905 г. с приложением копий телеграмм, посланных за этот период // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 3, 4, 9, 10, 42, 44, 72, 74. (1904–1905).

45. Циркуляр Департамента полиции военным губернаторам, губернаторам, градоначальникам и Варшавскому обер-полицмейстеру о порядке назначения денежных пособий чинам полиции, пострадавшим от террористических покушений // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.) : сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. – М.: АИРО-XXI, 2001. – С. 239–241.

46. Циркуляр Департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов в связи с решениями боевой организации Санкт-Петербургского комитета партии социалистов-революционеров // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.) : сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. – М.: АИРО-XXI, 2001. – С. 245–246.

47. Циркуляры Департамента полиции со списками и розыскными картами на лиц, подлежащих аресту. 1907г. // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 5–9. (1907).

48. Шифртелеграмма директора Департамента полиции М.И. Трусевича начальникам губернских и областных жандармских управлений, охранных отделений и заведующим розыскными пунктами в связи с приобретением оружия революционными организациями // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.) : сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. – М.: АИРО-XXI, 2001. – С. 247.

49. Шифртелеграмма директора Департамента полиции М.И. Трусевича начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений об усилении борьбы с терроризмом // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.) : сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В. И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. – М.: АИРО-XXI, 2001. – С. 233.

#### *Сборники документов*

50. Агентурная работа политической полиции Российской империи : сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е. И. Щербакова; [под ред. Г. А. Бордюгова]. – М.: АИРО-XXI, 2006. – 384 с.

51. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX вв.) : сборник документов / [Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др. ; Сост. В.

И. Кочанов и др. ; Предисл., примеч. и коммент. Е. И. Щербаковой]. – М.: АИРО-XXI, 2001. – 527 с.

52. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л.Рудницкой. – М.: Археографический центр, 1997. – 576 с.

*Источники личного происхождения*

53. «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. [Т.] 1 / [вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой]. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 509 с.

54. Гапон Г.А. История моей жизни. – Л.: Прибой, 1926. – 184 с.

55. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. – М. : Товарищество рус. художников, 1991. – 204 с.

56. Зубатов С.В. «К истории зубатовщины» // Былое. СПб. 1917. – № 1. – С. 86–99.

57. Зубатов С.В. Зубатовщина. // Былое. СПб. 1917. – № 4. – С. 157–178.

58. Зубатов С.В. Письмо в «Вестник Европы» // Вестник Европы. СПб. 1906. – Т.2. – С. 432–436.

59. Из архива Л. Тихомирова. // Красный архив. – Т. 6. – М., 1924. – С. 124–194.

60. Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее Российской Империи. – М.: В.М. Саблин, 1907. – 237 с.

61. Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. – М.: Гос. изд-во, 1923. – 98 с.

62. Спиридович А.И. Записки жандарма. – Харьков: Пролетарий , 1928. – 205 с.

*Политическая публицистика*

63. Заичневский П.Г. Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л.Рудницкой. – М.: Археографический центр, 1997. – С. 142–150.

64. Ленин В.И. Еще о думском министерстве // Полное собрание сочинений. М., 1972. Т. 13. С. 261–265.

65. Ленин В.И. Задачи отрядов революционной армии // Полное собрание сочинений. М., 1960. Т. 11. С. 339–343.

66. Ленин В.И. Московские зубатовцы в Петербурге // Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 7. С. 83–88.

67. Ленин В.И. О статистике стачек в России // Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 19. С. 377–407.

68. Ленин В.И. Петербургская общегородская конференция РСДРП (II) // Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 12. С. 191–208

69. Ленин В.И. Петербургская стачка // Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 9. С. 174–177.

70. Ленин В.И. Революционные дни // Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 9. С. 205–229.

## Литература

### Монографии

1. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 445 с.
2. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. – М.: Рус. мысль, 1912. – 483 с.
3. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – 258 с.
4. Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты: Среди охранников, жандармов и провокаторов. – М.: Госиздат, 1928. – 144 с.
5. Ларьков Н.С. Чернова И.В. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. – Томск: Красное Знамя, 2002. – 519 с.
6. Ларьков Н.С. Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 180 с.
7. Лемке М.К. Политические процессы в России 1860х гг. : по архивным документам. – М.: Типография им. тов. Володарского, 1923. – 684 с.
8. Линдер И., Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. – М.: РИПОЛклассик, 2008. – 784 с.
9. Меншиков Л. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1925–1932. – 282 с.
10. Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. – Петроград: Былое, 1922. – 85 с.
11. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2000. – 432 с.
12. Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. – М.: Мысль, 1993, – 432 с.
13. Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. – М.: Изд-во политкаторжан, 1930. – 160 с.
14. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 150 с.

### *Диссертации*

15. Бойко С.И. Казанское губернское жандармское управление в 1880 - 1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе : дисс. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2013. – 264 с.

16. Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2005. – 195 с.

17. Иванцов М.Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв. : дисс. ... канд. ист. наук. – Москва, 2009. – 195 с.

18. Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже 19-20 веков (1880–1904) : дисс. ... канд. ист. наук. – Москва, 1986. – 294 с.

19. Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880–октябрь 1905 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. – Москва, 2009. – 271 с.

20. Ярмыш А.Н. Политическая полиция Российской империи, 1880–1904 гг. : дисс. ... канд. юр. наук.. – Ростов-на-Дону, 1978. – 226 с.

### *Статьи*

21. Аликина Ю. И. Социалисты-революционеры и террор // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2013. – №2 (24). – С. 232–235.

22. Горбачева И. М. Политический терроризм социал-демократов в России в конце XIX–начале XX вв. // Власть. – 2014. – №10 – С. 185–189.

23. Леонов М.И. Террор и смута в Российской Империи начала XX века. // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – №5. – С. 175–186.

24. Путятин В.Д., Кузнецова Т.А. Об историческом опыте проведения реформ полиции в дореволюционной России (по материалам особой междуведомственной комиссии сенатора А. А. Макарова по преобразованию полиции в российской империи, 1906 – 1912 гг.) // Юридическая наука и практика. – 2008. – Т. 4, № 2. – С. 19–25.

25. Соловьёва Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). – 1983. – С. 214–226.

Обработан файл:  
Вячистый Д. - ДИПЛОМ - Политическая полиция Томской губернии - Предфинальный вариант.docx.  
Год публикации: 2019.

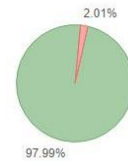
Оценка оригинальности документа - 97.99%

Процент условно корректных заимствований - 0.0%

Процент некорректных заимствований - 2.01%

[Просмотр заимствований в документе](#)

Время выполнения: 39 с.



Документы из базы

Источники заимствования

В списке литературы      Источники  
Заимствования

1. [Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе](#)

Авторы: Бойко Софья Ивановна.  
Год публикации: 2013. Тип публикации: автореферат диссертации.  
<http://vak2.ed.gov.ru/idcJsploadAutoref/renderFile/139643>  
[Показать заимствования \(12\)](#)

0.79%